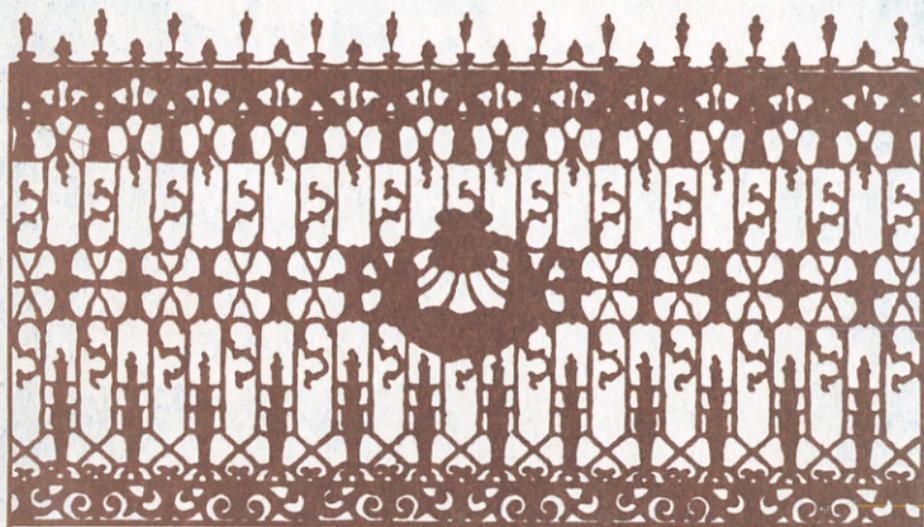
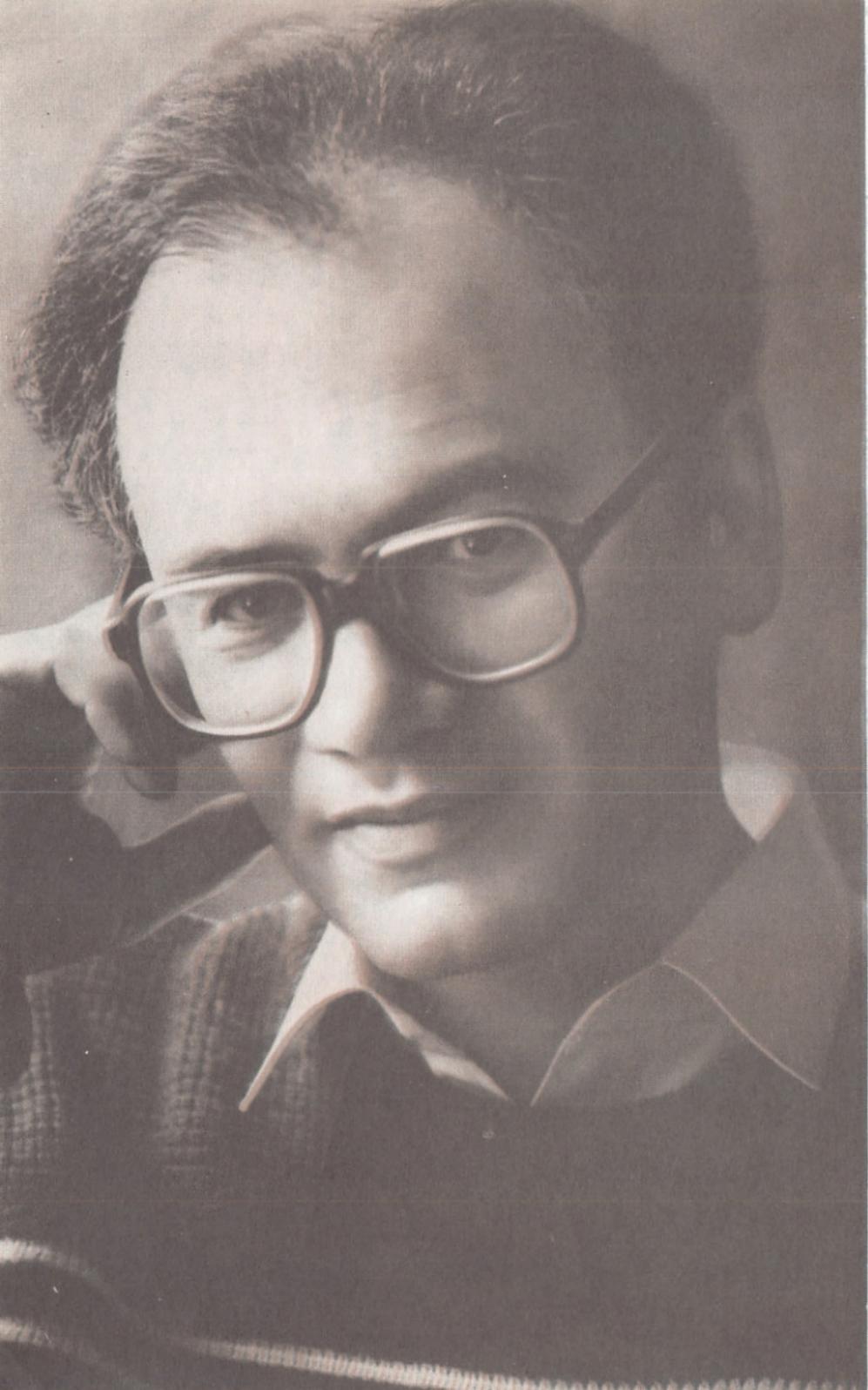

АЛЕКСАНДР КУШНЕР

ЖИВАЯ ИЗГОРОДЬ

АЛЕКСАНДР КУШНЕР

ЖИВАЯ ИЗГОРОДЬ

Книга стихов

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1988

ББК 84. Р7
К 96

Художник Владимир Мартусевич

Кушнер А.

К 96 Живая изгородь: Книга стихов.— Л.: Сов. писатель, 1988.— 144 с.

ISBN 5—265—00242—1

В новую книгу известного ленинградского поэта Александра Кушнера вошли стихи последних лет — философская, пейзажная, городская, любовная лирика, проникнутая острым ощущением перемен, происходящих сегодня в нашей жизни.

К $\frac{4702010202-023}{083(02) - 88}$ 210—88

ББК 84.Р7

ISBN 5—265—00242—1

© Издательство
«Советский писатель», 1988 г.

ВДРУГ-
ЯСНЫЙ ДЕНЬ

---

* * *

Никуда, никуда не пойдём сегодня.
Ни в кино, ни к друзьям, утомившись за день.
Пусть звонит телефон, городская сводня.
Ты усядешься с книгою, я — с тетрадью.

Боже мой, целый день, целый век — со всеми,
Но вечерние два-три часа с летучим
За окошком снежком — это наше время,
Неподвластное фразам о нём трескучим.

На другом, невиданном матерьяле
Осознаем в конце городской недели,
Что́ под чистыми негами понимали,
Под трудом, задыхаясь, в виду имели?

В этом городе, ставшем ещё огромней,
Отодвинувшем глушь ещё дальше к псковской
Стороне,— осмотнительное дано мне
Ощущение общей судьбы громоздкой,

Оставляющей два-три часа для частной
Жизни, для осмысленья под лампой яркой
Этой спешки всегдашней и тяги властной
К самой гуще горчащей и толще жаркой.

---

* * *

Не удивляемся, скосив глаза на встречных:
Кто дышит на руки, кто поднял воротник.
Зима над личностью осуществляет нечто
Сродни насилию,— и наш урон велик.

В курчавом инее клубится, как овчина,
Стекло трамвайное,— глазка не продышать.
И все ж для радости отыщется причина —
Тепло домашнее, утробному под стать.

Бог отопления, как бы его назвали
В восторге древние, бог освещенья, бог
Тепла, за стенкою на стареньком рояле
Игры, оттаявших в тепле бровей и щек!

Как жарко взрослые заботятся о детях!
Какой под шапочку надет смешной платок!
Какой с истории быть может спрос при этих
Январских сумерках, но есть он — и высок.

Как мертвый в простыне, томится тополь в сквере.
Но где, при том, что груз не сбросить с ломких плеч,
Так далеко еще продвинуты на север
Надежда, музыка и сбивчивая речь?

---

* * *

Как любит памятники маленький народ!
Все скверы бронзою уставлены, гранитом.
Как благодарен он! Какую воздаст
Он честь ботаникам своим незначительным,
Микробиологам, писателям, врачам!
Зато у нас в садах, под сенью их широкой,
Лишь ветры тешатся да звезды по ночам
Сверкают в прорезях с надеждой и тревогой.

И мне не кажется, что здесь была бы медь
Уместна громкая и цоколь глянцевиный.
Всем не воздать в веках и всех не разглядеть,
Сплошной не выказать заботы домовитой.
Что может, с фалдами, при медленной ходьбе
Чуть расходящимися, тень внушить, в металле?
Не ту ли тяжкую уверенность в себе,
С которой, может быть, мы б душу потеряли?

ИЮЛЬ 1836

Зависеть от царей, от их крутого нрава
Досадно в новый век, когда в других краях
Парламентских бойцов налево и направо
Партийная борьба разводит на скамьях.

Но есть еще Китай, есть Африка... Не знаю,
Что сделал он, сказал, куда пошел гулять.
Июль 36-й,— я в сноске прочитаю.
И все-таки июль... шиповник... благодать!

Не спрашивают нас, где лучше нам родиться.
Отмеренная жизнь — волшебный, страшный дар.
Спасибо, что Нева, что грозная столица,—
Могли быть Мозамбик, Найроби, Занзибар.

Сослаться на Мюссе? Пусть будет Пиндемонти
В ответе?.. Мыслей жаль, пяти горячих чувств,
Летучих облаков на светлом горизонте,—
Скульптурные, почти создания искусств

И вдохновенья... Как лепечет и бормочет
На Каменном кустов колючая семья!
О том, что он зимой умрет, сказать не хочет
Ему столетний дуб, «колеблясь и шумя».

---

* * *

Мне-то есть теперь что вспомнить, есть о чем поговорить.
Я видал Куры зеленой перекрученную нить,
Над крутыми берегами ненадежное жильё,
И, конечно же, с Невою я не сравнивал ее.

Боже, как разнообразен этот мир, какая ложь,
Будто он на все согласен и во всем с тобою схож,—
Нет, он может озадачить и создателя своим
Рысьим промахом кошачьим, хищным глазом золотым.

Почему я ленинградец, не тбилисец почему?
За билетиком счастливым лезли мы в какую тьму?
Кто дает нам это время, это место, эту грудь?
Разве можно человека жаркой кровью попрекнуть?

Над Невою резво вьются флаги пестрые судов.
Видишь: есть куда вернуться нам, я к смерти не готов.
Сколько есть еще для роста, для мужанья места нам!
Я вам Пушкина так просто, хоть убейте, не отдам.

Не на полке он пылится,— растворен в крови моей.
Ах, грузинская столица, ты лекарство от скорбей.
И плоды не сразу зреют, спотыкается напев.
Вот и люди поумнеют,— подобреют, поумнев.

---

* * *

Вдруг — ясный день, неожиданный вдруг просвет,
Как в темной ссоре ласковое слово.
Нигде, нигде такого солнца нет,
Средь мглы и сна — желанного такого!

Вдруг — нежный блеск, и грубая стена
В роскошный желтый шелк переодета.
Не город — жизнь в нем преображена.
Как влажен куст и пестр! — да что же это?

Вдруг — светлый час в истории, скупой
На кроткий взгляд и долгие поблажки.
Вдруг — громкий смех на площади пустой
И луч на ней, играющий в пятнашки.

Как благодарны мы ему! Нева
Свинцова? Нет, светла, золотогрива!
Где так еще пылает голова,
Свежа листва и радость тороплива?

---

* * *

Мне не важно, какой сегодня день,
И какое число, мне безразлично,
Потому что пышная сирень
В переулке цветет так хаотично.

Каждый раз присматриваюсь к ней,
Как к тому, что ждет нас после смерти.
Пригласительный на юбилей
Дорогой билет лежит в конверте.

Первый пункт — торжественная часть.
Пункт второй — концерт: певец и чтица.
Ни одной строке у нас пропасть
Не дано, словцу запропасться.

Как же вечную не любить весну,
Если так цветет земной кустарник?
Клонит к смерти в мае, как ко сну,
И сирень как бы ее посланник.

---

* * *

На Невском — гулкий лес Казанского собора
Многоколонный — дарит тень
Густую, в завитках коринфского убора,
В июньский знойный день.

Зашли в нее на миг — как будто всё забыли:
И зной, и толчею.

В казенном дремлет так шофер автомобиля,
Пока начальства нет, доверясь забытью.

А пышная сирень дымится на опушке
Полуотцветшая... Как знать,
Кто здесь стоял до нас, Державин или Пушкин?
Прохлада, благодать!

Шаг в сторону — и вновь тебя обступит время,
Облапит, обоймет;
И рифмы нет к нему отзывчивей, чем бремя,
Не сбросишь с плеч его,— счастливый миг не в счет.

А все же тяжесть дня не слишком тяжела мне
Пудовая... Сравнить желанье велико
С ней римский этот лес из пудожского камня.
Что любишь, то легко!

---

* * *

Под зонтом человеку уютнее, чем без зонта.
Словно в домике он переносном или в исповедальне
Сам с собой говорит, откровенен, не помня стыда;
Чем настойчивей дождь, тем прямой разговор и печальней.

Ты ли, цепкая мышь, свой летучий брезент досташь
Из чердачных щелей, прорезиненный, сумрачный, флотский,
Или вы, земноводные, вас все равно не поймешь,
Как принижены вы, перепончато-складчатые, скользки!

Что с покатостью этой натянутой делать сырой?
Сколько маленьких храмов буддийских поспешно открыто!
Что же медлишь,— часовенку, друг мой, скорее открой,
К ней, совсем как глициния, ветка сирени прибита.

Будем улицу медленно переходить на пустом
Перекрестке, внимательно,— грозная дремлет пружина,
Вот в такую же пору,— не видела, шла под зонтом
Через скользкую улицу,— женщину сбила машина.

На поверхности быть своего существа, на плаву,
Обрывать иногда разговор безнадежный с собою,
Чтоб продлить эту жизнь, эти мгlistые сны наяву,
Этот липовый мед, эту теплую тяжбу с судьбою.

---

* * *

Сказал один чужак, и я скажу опять,
Смутясь, по-дружески, по-свойски, по-соседски,
Что никогда не надо осуждать
Людей, особенно советских.

Легко быть ангелом, ведь к ангелам не шлют
Инструктора с последней установкой;
На жизнь, на подвиг и на труд
Не вдохновляют их ни словом, ни винтовкой.

Голосовали все, и ты, клянусь, и ты
Со всеми поднял бы в том гулком зале руку.
Не знаю, где тогда кусты
Росли, чтоб в них уйти; завидовали внуку.

Тебе завидовали, мне... Какой лозняк,
Ольшаник ласковый, шиповник и орешник!
Я не ищу святых, вот лучший в мире знак
Его взросления — опомнившийся грешник.

---

* * *

«... в тени невянущих дубров...»

Баратынский

Там реки чистые текут,
Там в них не сбрасывают хлорку и мазут,
Дубовых рощ не вырубают,
Там Баратынского печали не гнетут,
Предубеждения к земле не пригнетают.

Там любит родина всех, всех своих детей.
Любовь моя, там друг о друге
Без страха думает, там нет дурных вестей!
Глупец там глупостью ошеломлен своей
И на дела свои, томясь, глядит в испуге.

---

* * *

Ты горишь, Колизей, как большой ресторанный пирог
Или свадебный торт, что клиенту подносит на блюде
Метрдотель, улыбаясь,— тебя лишь на слайдах я мог
Да в кино рассмотреть,— встречи не было нам и не будет.

Так что вечные мысли и вечные темы, увы,
Не для нас, очень жаль, я, как череп, тебя на ладони
Подержал бы под шум мерно дышащей римской листвы,
Сквозь глазницы твои мне бы звезды блеснули, тихони.

Кто построил, не помню, такое большое гнездо,
Неужели Нерон, сумасшедшая, грязная птица?
Здесь, на севере, нас не обидит, не тронет никто,
Не облапит, рыча, нумидийская потная львица.

Буду буйные эти любить на ветру тополя
И приневскую сырость в Калужском своем переулке.
Век не тот, и не та, не узнать, изменилась земля.
Отдыхай, Колизей, в золотой итальянской шкатулке.

Так хотелось увидеть... Ты думаешь, каждый поэт
Себя чувствует ссыльным вдали от прогорклого Рима?
Те желанья прошли. Ничего прозаичнее нет,
Чем писанье стихов. Нами улочка эта любима.

Никогда не увижу трехъярусной глыбы... Клянусь,
Это больше меня не волнует... Приходит свобода
С кровной той стороны, о которой не думал. Пройдусь
Мимо чешского консульства, банка, райздрава, горвода.

---

* * *

Английский смотришь фильм, венгерский ли. французский,
Все держишь в памяти, в глухом ее углу,
Что и Подкаменной промерзшей нет Тунгуски
У них, и Нижней нет, ревнующей к теплу,
Что даже этих двух Тунгусок бы хватило,
Чтоб снегом жизнь была по грудь заметена,
Кайло в историю вгрызалось бы, зубило...
А под Хабаровском ведь есть еще одна.

ВОСПОМИНАНИЯ

Н. В. была смешливою моей
подругой гимназической (в двадцатом
она, эс-эр, погибла), вместе с ней
мы, помню, шли весенним Петроградом

в семнадцатом и встретили К. М.,
бегущего на частные уроки,
он нравился нам взрослостью и тем,
что беден был (повешен в Таганроге),

а Надя Ц. ждала нас у ворот
на Ковенском, откуда было близко
до цирка Чинизелли, где в тот год
шли митинги (погибла как троцкистка),

тогда она дружила с Колей У.,
который не политику, а пенье
любил (он в горло ранен был в Крыму,
попал в Париж, погиб в Соппротивленьё),

нас Коля вместо митинга зазвал
к себе домой, высокое на диво
окно смотрело прямо на канал,
сестра его (умершая от тифа)

Ахматову читала наизусть,
а Боря К. смешил нас до упаду,
в глазах своих такую пряча грусть,
как будто он предвидел смерть в блокаду,

и до сих пор я помню тот закат,
жемчужный блеск уснувшего квартала,
потом за мной зашел мой старший брат
(расстрелянный в тридцать седьмом), светало...

---

* * *

Как два кусочка льда — две запонки стеклянных,
Такую брось в стакан — и влагу охладишь.
Так и не побывал в Карпатах, на Балканах,
Ходил смотреть в кино на Лондон и Париж.

Зато сидел в Крыму на каменной террасе,
И тени синих волн к побелке меловой
Тянулись дружно так, слегка ее закрасив
В неотразимый свет янтарно-голубой.

Военный вертолет рассматривал окрестность,
И ночью заходил патруль на дикий пляж...
Разлуку, и беду, и страх, и неизвестность —
Все знал, на все пошел век жесткокрылый наш.

И ценит человек в конце его возможность
Счастливую — побыть с собой наедине,
И любит простоту, но больше любит сложность,
Он был лишен ее, она опять в цене!

О, сколько раз его в обратном уверяли,
Сводили всё к стихам из двух-трех пресных слов,
А он для новых чувств: для счастья и печали —
Всю память, весь словарь перетряхнуть готов!

---

* * *

История не учит ничему,
Но, как сказал историк,— и ему
Не верить нет причины,— за незнание
Истории наказывает нас.
Не учит, а наказывает. Глаз
Да глаз за нами нужен, да вниманье.

Скорее воспитательница, чем
Учительница. Сколько страшных тем
В учебниках ее, в ее анналах...
Но мы, известно, тоже хороши.
Хоть кол на голове у нас теши,—
Вот присказка учительниц усталых.
Подумай. Сядь. Не ерзай. Запиши.
Как двоечник, о трех мечтаем баллах.

ГАДАНИЕ

Какой это, девятисотый, наверное, год?
Амалия Францевна карты достанет, майн гот,
Всё путает карты ей что-то, гадать не дает.

«Большой,— говорит она,— что-то, как туча, большой
Пришла и стоит над столом,— говорит,— над душой.
Теперь свой судьба все равно,— говорит,— что чужой.

Но ви,— говорит она даме, укутанной в мех,—
Ви в комната этот, однако, счастливее всех,
Умрете, зато не убейт вас, как этих и тех.

А маленький трусик, ваш сын, вероятно, мадам,
Что слушает нас из-за дверь, за спиной моя, там,
Он будет, как это сказать, сочинять по складам.

Как мюзик... печальный, такой необычный судьба!
Несчастный ребенок...» И, пот вытирая со лба
Платочком, молчит, непроглядного дара раба.

---

* * *

Где нежное детство и крупные звезды во тьме?
Где старый Арбат? Где швейцарские мирные виды?
Где нянин сундук, на котором в Ростовской семье
Оплакивать детские принято было обиды?

Где автомобиль с запасным колесом на боку
И цепкими дверцами, черный, каретообразный?
Где белые лилии? Я еще вспомнить могу
Их праведный сон, неприступный, крахмальный, атласный.

Где финские сани? Утешься, да вот же они!
Каприйские улочки в их преломлении горном?
Бискайские волны?.. Лишь руку во тьме протяни —
В блаженном краю, прозаическом и стихотворном.

---

* * *

И еще я подумал, что гений рождается в любой,
И в бездарной среде,— ничего, что грубят и дичатся,
И чудак Павел Чехов, в надежде ввести Домострой,
«Росписание делов» начертал для своих домочадцев.

Все равно не ему, а, быть может, акации той
Таганрогской, в пыли, да оврагам, сползающим к морю,
Мы обязаны тем, что захвачены каждой строкой,
К тесной прозе сухой прижимаясь, как к счастью и горю.

Дурно, если художник берется судить о вещах
Специальных: судах, экономике, банке, общине.
Химик, физик, механик у нас на последних ролях,
Справедливость и знания на темной живут половине.

К этой чеховской мысли, свой век обогнавшей, люблю
Прислониться, свежо под ее независимой сенью.
Помнишь, мы Таганрог проезжали? Лелею, коплю,
Подмечаю всю жизнь, подбираю мгновенье к мгновенью.

Пахло, боже мой, пахло, наверное, степью... Окно
Опустили — и вот смена воздуха, южная нега.
Как давно мы не жили в тепле, как блаженно оно!
В его прозе блестит даже тусклое слово «коллега»!

Независимость эта, откуда она в нем, и честь?
Проза и не должна подменять собой совесть и право.
Почему, когда спорят у нас, оскорблений не счесть?
Стоит высказать мысль — и набросятся слева и справа.

---

* * *

Широконосый, с пухлыми губами,
Вождь негритянский, брат забытый мой,
Имевший дело больше с муравьями
И бабочками, чем с людьми, змеей
Преследуемый, духами от сглаза
Спасаемый,— в твой бронзовый портрет
Я всматривался. Что такое раса?
Скажи мне, я не знаю. Черный цвет?

Разрядка между верхними зубами?
И у меня такая ж. Языком
Могу нащупать щелочку, веками
Лелеемую кем-то в нас тайком.

Смотри же, и моя основа та же,
И плавили, и закаляли впрок,
Потом оттерли кое-как от сажи,
Пустив гулять под северный снежок,—
И вот я не улитку на ладони
Держу, как ты, а вышколенный стих,
Весь начеку, и что-то от погони
Есть в каждом дне, от знойных ран твоих.

---

* * *

Лет на семь раньше я родись — и жизнь иначе
Моя устроилась бы: я б стихи любил
Иные, с юностью б совпал моей горячей
Гнев государственный и коллективный пыл
Собраний в актовом, пахнущем пылью зале.
С языкознанием и крупной тяжбой в нем
При мне бы чью-нибудь моральную связали
Нестойкость, жгли б ее железом и огнем.

Лет на семь раньше я родись... В чертополохе
Людском и сам бы я лилов был и колюч.
Дух обличительный, как пух... Продукт эпохи,
Я, человек, от почв завишу и от туч,
Каким бы вымахал, подумать страшно, вроде
Тех, кто поглядывает искоса сейчас
На время мягкое и жаждет от мелодий
Звучанья громкого и непреклонных фраз.

---

* * *

А мы и в пятьдесят Андрюши, Люси, Саши.
Я к отчеству, сказать по правде, не привык.
Порхают имена младенческие наши,
Не тратя лишних слов, ложатся на язык.

И внуки наши нас не старят почему-то.
Так праотцев, небось, на ложе дум и нег,
Средь жен и козых стад, века, вздымаясь круто,
Не старили... ау, Мафусаилов век!

Я помню майский день в бессмертном сорок пятом,
Мне в пятьдесят шестом пробило двадцать лет.
Кто не жил в эти дни, пристрастье наше к датам,
Должно быть, не поймет, ему в них доли нет.

Мне отчество друзей неведомо. Потерю
За гранью здешних дней восполним как-нибудь.
Солидности боюсь, и важности не верю,
Писатель входит в дверь, выпячивая грудь.

Мы переждем его с улыбкой в отдаленье.
К нам вечность в руки шла одною из удач.
Поэтому-то я на наше поколение
Печально не гляжу,— не хнычь над ним, не плачь!

БЕГОНИЯ

А та бегония в окне,
А та бегония в окне, в квадратной кадке,
Пестреет издали, как знак навстречу мне,
Как знак условленный, что всё у них в порядке.

Беда их минула, смутившись; тень беды
Свернулась, словно стружка.

Лишь сердцевидные, все в крапинку, листья
Сидят, нахохлившись, как курица-пеструшка.

Зайду к друзьям своим. Обсудим новостей
Цепочку рваную, от шахмат до Китая.
В окне бегония. Они привыкли к ней,
Живут, не замечая.

А я смотрю на них, потом на их цветок,
Потом опять на лица.
Так любят выживших, кого не выдал бог,
Свинья не слопала, лишь тень в углу клубится.

О, век-чудовище, ты кошкой под рукой
Лежишь, мурлыча.
Во сне приснилось нам, что прожили другой.
Мы — жертва мании, мы — снов своих добыча.

По гулкой лестнице тяжелые шаги,

Звонка рулады.

— Вы что-то вспомнили? — Так, мелочь, пустяки.

Нам померещилось, мы сами виноваты.

Беда не прыгала от двери в два прыжка

К цветку с налета,

Его вытряхивая на пол из горшка,

Не рылась в гранулах, выскивая что-то.

Зелено-бурые, с широкою каймой

И ворсом,— кажется, что сшила их портниха.

Мы озираемся. Как странно! Боже мой!

Все обошлось. Все тихо.

---

* * *

Век, может быть, и атомный, но дети
Такими ж, как при Дарии, при Кире,
Рождаются на белом этом свете
И враждовать, и жить со всеми в мире,—
Так думал я, идя по школе, классы
Начальные галдели в коридоре,
Извечные дразнилки и гримасы,
Все то же счастье ждет их, то же горе.

Кто ж сделает их мягче, милосердней,
Отзывчивей, добрей, великодушной,—
Полузверят — к сыновней и дочерней
Любви привадит, сестринской и мужней,
Кто даст им смысл, кто мостик перекинёт
От прежних бед к сегодняшней заботе,—
Полина Львовна в синем крепдешине?
Да, и она, с указкой на отлете.

---

* * *

При мне она в котел понурого барана
Велела посадить, не знаю, что: терпи? —
Шепнув ему под рев свирели и тимпана
И вареву в котле махнув рукой: кипи.

И, веточкой сухой помешивая зелье,
Обросшею тотчас зеленою листвою,
Не то смочила в нем, склонившись, ожерелье,
Не то еще подвох придумала какой,

Но только из котла в ответ на заклинанье
Ягненок к ней на грудь, курчав, как облака,
Прыгну́л, лягнув в котле копытцем на прощанье
Свалявшуюся шерсть и гнутые рога.

— Не хочешь ли и ты? Пожалуйста. В два счета! —
Но я представил жизнь, с младенческих ногтей
Подвластную тоске, и школьный запах пота,
И месиво забот, и марево страстей.

— Медея, — говорю, — кого-нибудь другого
Найди... и белый пух младенческих волос
Внушает жалость мне... жить вечно или снова —
Желанье это я, должно быть, перерос.

ПОВЕРХ ВЕЩЕЙ

Пуговицы скользкие срезать с плаща в химчистке
Бритвочкой затупленной, увы, на всех — одной.
Думать, ах, не думать ни о чем, о переписке
Тютчева, винящего себя во всем, с женой.

Это у него они на ниточке болтались.
Вот уж кто воистину смотрел поверх вещей.
Губы жили тонкие и мыслям улыбались.
Ах, ни у кого — таких сверкающих ночей!

Всё. И даже бирочка к поле плаща пришита.
Кто б нам эти мелочи зачел, того нигде
Нет. Но втайне кажется, что будет нам защита,
Не при жизни, может быть, — на страшном пусть суде.

---

* * *

Как дома хорошо,— вернувшись из больницы,
Где друга навещал иль сам лежал с тоской
На пару, ощутишь по-новому; так птицы,
Наверное, к черте летят береговой.

Иначе надо жить, счастливей, энергичней,
Пронзительней в сто крат, опасней, горячей,
Привычный видеть мир в подсветке пограничной
И трепетных тенях больничных тех ночей.

Какой на всем лежит волшебный отблеск медный!
В опавшую листву завернуты ежи.
Многоразлучный мир древесный, многодетный.
Иначе надо жить, не знаю как,— скажи!

Летит на яркий свет мучительное слово,
Добытое в огне и горечи земной.
Жить надо...— в дневнике есть запись у Толстого,—
Как если б умирал ребенок за стеной.

Жить надо на краю... чего? Беды, обрыва,
Отчаянья, любви, все время этот край
Держа перед собой, мучительно, пытливо,
Жить надо... не могу так жить, не принуждай!

---

* * *

К римской цифре двенадцать, пометив письмо декабрем,
Третью, лишнюю палочку я приписал по ошибке.
Что с ней делать теперь? Даже если ее зачеркнем,—
Все равно избежать нам чужой не удастся улыбки.

Вышло странное что-то. И жаль переписывать лист.
Жук какой-то теперь под арабским числом нарисован.
О, тринадцатый месяц! Ты, видимо, слишком лучист,
Слишком высвечен, влажен, должно быть случайно дарован.

В навесных твоих рощах просторно, безлюдно, свежо.
Как аркадский ландшафт живописный, за что мне такое?
Прибедняться — противно, и хвастаться — нехорошо!
Жук сидит под рукой; я бы выбрал, пожалуй, второе.

Кто получит письмо, что, однако, подумает он?
Что со временем мы не в ладу, что у нас покровитель
Наверху, что, должно быть, распахнута дверь на балкон —
И светлей, чем у всех, словно шнур у нас есть удлинитель.

Он письмо перечтет и подумает плохо о нас.
Обо всем написали, а самое главное — скрыли:
Блещет солнце в лицо, шелестит и топорщится вяз,
И несет ветерок шелковистое облако пыли.

---

* * *

Как мальчик, волнуясь, читает письмо
От девочки, так мы сегодня газеты
Читаем, как если бы время само
Проветрило комнаты и кабинеты.

Московские новости... Знали бы вы,
С каким напряженьем их ждут в Ленинграде.
О, шорох газетный, ты шелест листвы
Собой затмеваешь, шуми, бога ради!

Так долго мы жили погодой одной,
Лишь в шелесте лиственном смысл находили,
Но я — человек, а не иволга, мой
Ум жаждет вестей, кроме влаги и пыли.

И Тютчева я понимаю: тесны
Ему одинокие вечные темы.
Мне полночи мало, мне мало весны,
Есть область, где жизнью захвачены все мы.

Покуда болтун в ней кипел и ловкач,
Казалось, что нету меня холоднее,
Но это неправда: я втянут, горяч.
Так ты и с политикой дружен? И с нею!

---

* * *

В старом кресле, по темной обивке лучами
Разметавшись, как будто со шляпой в руках,
Солнце ждет нас, как друг, что заехал за нами,
Чтоб поужинать где-нибудь на Островах.

Почему мы так мрачно живем? Сожаленье
Промелькнет. Почему бы и впрямь не махнуть
В ту приневскую глушь, в ресторан, в отдаленье
От забот и невзгод, пошловатый чуть-чуть?

Потому что, во-первых, и друга такого
Нет у нас, и закрыт ресторан, во-вторых;
Есть для этого даже особое слово —
Спецобслуживанье... так зовется у них.

И признайся, ты вычитал это желанье
Из какой-нибудь западной книги,— у нас
Нет привычки каприз принимать во вниманье,
Да и луч, посмотри, полчаса как погас.

---

* * *

Митрохина пестрый рисунок стоит за стеклом, яркокрыл.
Так рамочку я и не сделал, не сделал, не смог, не купил.
Похож на залетную стаю, живым отливая огнем.
Спроси меня, так и не знаю, цветы ли там, фрукты на нем?

В сравнительно легкое время мы празднично жили с тобой:
Не ездили мы за границу и к славе не липли слепой,
Зато мы любили друг друга и знали, как нам повезло.
Могло быть и хуже: разлука, военное, мирное зло.

Художник о хлебе и страхе, о многом бы мог рассказать,
Но бабочка в желтой рубахе ему не велела роптать,
Да ирисы в рюмке граненой, да стулья, да мало ли что...
Жизнь — конь желтозубый, дареный, и жить бы хотелось
лет сто.

---

* * *

А. Володину

Кто ж хочет, чтоб его воспитывали? Серый
Куст — даже он щипцам противится, когда
Стригут его, дрожит... И только лицемеры
Кивают, нет у них ни чести, ни стыда.

И требуют от книг, чтобы литература
Воспитывала их... Но проза и стихи
Густы в своих речах, как эта шевелюра
Шиповника, свежи, как мягкий лист ольхи.

И если нам они под лампы ярким светом
Почувствовать дают могущество любви
И силу доброты, спасибо им, об этом
Не думающим,— честь и стыд у них в крови.

---

* * *

Н. Крыщуку

Смотрю на девушек, на молодых людей,
Как на залетных птиц, как на кусты в цвету,
Их беспричинный смех, клянусь, ума умней.
А вы хотите их пригнать к добру, к труду.

Они склоняются к добру, к труду, но так,
Как ветви клонятся; грядущих бед печать
Не заклемила их, упруг их легкий шаг,
Зеленый смех упрям,— зачем же гнуть, ломать?

В метро заслушаюсь: «Смотрите, наш Витёк
Уснул».— «Витёк, очнись».— «Да он у нас сова».
«Хочу в дупло,— басит Витёк,— а что, залег
И спишь...» — «С Ватениной?» — «Пусть сдаст зачет
сперва».

Забыл, когда я был так весел, как они.
Я не завидую, но, видишь, весь в плодах
Стою, в коробочках,— лишь руки протяни —
И тяжесть опыта окажется в руках.

Им жутко, может быть, но в стайке им легко,
Дроздам и пеночкам, галдящим и во сне.
Как превосходство их над нами велико!
Пускай их учатся... все ж их учить не мне.

---

* * *

Жизнь прихлась на смутную эпоху.
Эту мглу всегдашнюю и тень,
Скрягу эту, лгунию, выпивоху
Все бранят теперь, кому не лень.

И смотри, едва ль не всех бойчее,
Отряхнув недавнее житье
И высоким гневом пламеня,
Те кричат, кто славили ее.

Что же делать? Голос в общем хоре
Твой не слышен... Или не велит
Надрываться вьевшееся горе,
Честь твоя продрогшая и стыд?

Или ты любви предать не хочешь,
С тенью той совпавшей и тоской,
И стихов, и, словно шлейф, волочишь
Тот позор ославленный, как свой?

Иль, сто раз в земле обетованной
Побывав душой, пока ковчег
Шел, кренясь, громоздкий, многогранный,—
Страшный свой забыть не хочешь век?

---

* * *

Последний, кто был лют и дик,— Домициан —
Убит — и, боже мой, опять в почете совесть
И честь, кривых смертей нам перечень и ран
Историк сохранит — мучительная повесть!

Все думаешь: на что похож узор слепой
Истории, увы! — на бурю и затишье.
Ты нежишься в лучах, а кто перед тобой
Плыл,— канул, тут ни рок винить, ни чернокнижье,

Ни жребий, ни богов не станешь, и гадать
По внутренностям птиц не будешь,— ветер волен
Внезапно простыню стащить с постели, смять
И, скинув, заползти, как мышь, в одну из штолен

Далмации... Так мог из римлян кто-нибудь
Сказать... И мы ему киваем с пониманьем.
Нам выпал волк — не век, но вот прилег на грудь
И рык сменил на вой, а вой смягчил ворчаньем.

Вот-вот он руки нам начнет лизать, как пес...
А двадцать первый волк, кто может поручиться,
Каким родится он, смешны твои до слез
Дрожащие щенки, кормящая волчица...

ЕСТЬ МЕСТО
НА ЗЕМЛЕ...

---

* * *

У нас, меж Сиверской и Вырицей, в колючих
Лесах, где Оредеж и Орлинка, две лучших
Реки на свете, спят весь день в обнимку, где
Тенисто, тихо так, где на велосипеде
Я рыщу,— вспомнятся мне вдруг рыбацьи сети,
И море синее, и тени на воде.

На знойной вырубке я вдруг припомню скалы,
Травой придонною опутанные сплошь,
И горной осыпи кремнистые завалы,
И крабов лаковых, и рыхлой пены дрожь.

В чем дело? Разве лес похож на море? Мухи
Летают синие, да бабочки в мехах,
Да шмель на клеверном цветке затих, не в духе,
И разве солью зной — не медом весь пропах?

Иль тот же чудный страх в лесу владеет нами,
Что и в морском плену, когда одни — на весь
Пустынный берег мы, наедине с волнами,
Томимся, нежимся, и гул в ушах, и резь
В глазах, и медленно, сползая с камня в воду,
Плывем,— никто, никто не видит нас,— в лесу
Мы так же пробуем заговорить природу,
Бубним бог знает что, а день сулит грозу...

---

* * *

Сколько бабочек-траурниц здесь, на дороге лесной!
Слишком скорбь велика, потому и летают так низко.
Среди желтой, лиловой услады цветной
Им никак не дойти до конца поминального списка.

Александра, Евгения, Федора сами прочтут
Имена, а затем им придется трудней: Афанасий,
Иннокентий... собьются, помочь бы им, пристальным, тут!
Ничего, у них вечность в запасе.

Пропустили кого-то... Попробуют снова прочесть.
Что ни встреча у нас — то предлог для такого помина.
Дело в том, что поэзия — лучшее, что у нас есть.
Черный бархат и яркие вспышки кармина.

Сколько раз эта радость последним спасеньем была
Человеку в изгнание, в слезах, в одиночке...
Повернуться нельзя, чтоб со стула, окопа, стола
Не спугнуть два крыла, две друг к другу прижатые строчки.

Как мне нравится здесь!.. Придорожные ели, жара,
Путь до дома неблизок.
Сколько славных имен! Не мешай, это наша игра —
По местам их расставить... все время колеблется список.

Друг мой, был бы сейчас ты со мной,
О порядке поспорили б мы и легко помирились,
Во вниманье приняв громовые раскаты и зной,
Лишь бы черные бабочки в воздухе теплом толпились.

И кого-то из третьего ряда ввели б во второй,
А кого-то из первого — в третий,
Потому что, наверное, точности здесь никакой
Быть не может, и бабочки так непоседливы эти...

---

* * *

Есть место на земле. Усталый, раз в году,
В июне где-нибудь, в июле, выезжаю
Из леса темного на круглый холм. Кладу
Велосипед в траву — и белых тучек стаю
Рукой приветствую, и, с тучками в ладу,
Простор распахнутый, и дуб, шумящий с краю.

Вершина высохла, и жесткою листвою
Покрыт, как рубищем, он лишь наполовину.
Откуда взялся он, таинственный такой?
Кто посадил его здесь в северную глину?
Внизу, в кустарнике, ручей, едва живой,
Змеится, плавную избородив равнину.

Пейзаж расскажешь ли? Я помню от стихов
Подробных — детское, со школьных лет, унынье.
Сказать достаточно, что сколько б облаков
Ни мчалось по небу, пять-шесть блестящих клиньев
Всегда нарезано то в центре, то с боков,
Такая даль видна, что мгла разрыта синью.

И трактор кажется замученным жуком,
Что еле ползает по плоскости покатой...
Но есть, но здесь живет, сюда от нас тайком
Приходит грозный о н, огромный, виноватый
Не больше нашего, обласкан ветерком,
Пропахшим клевером и чудотворной мятой.

Любви не выдержать! И нету никого,
С кем разделить бы мог я планы и детали.
Мы словно созданы по образу его.
Иначе разве б мы глухие эти дали
Держали в горестях у сердца своего
И ночью поздно, забывшись, вспоминали?

---

* * *

А так как нас с тобой великие дела
Не ждут, то нам еще минут пятнадцать можно
Поспать,— с кустов сползет предутренняя мгла
И новый день в окно заглянет осторожно.

Мы выспимся. Пускай великий человек
Придирчив и угрюм, не выспавшись,— бедняге
Не нравится то мир лоснящийся, то век,
То герб, глядишь, не тот оттиснут на бумаге.

Среди моих друзей великими назвать
Рискнул бы я двух-трех, но это станет видно
Потом когда-нибудь; пожалуй, лучше спать;
Минут пятнадцать есть у нас еще; мне стыдно.

Какой-то круглый двор, и радужный павлин,
И рядом ты стоишь в такой же яркой юбке,—
Последний глупый сон запомнится один,
Капризничать нельзя, бессмысленный и хрупкий.

А так как нет слуги, чтоб нас будил с тобой,
И сызмала никто из нас не избалован,
То кажется, и век не хуже, чем любой,
И куст в окне с утра шмелями облюбован.

---

* * *

Птица болотная, как она громко кричит!
Этого крика не запечатлеть на бумаге.
Вычурен он показался бы и нарочит,
Если б, допустим, на это хватило отваги.

Посвист, и рык, и какой-то сомнительный треск.
Звуков таких в языке человеческого нету.
Как этот вечный болотный ей выдержать блеск,
Зной, одиночество, мелкого солнца монету?

И хорошо, что не смею воспроизвести.
Все-таки что ж она там восклицает протяжно?
Может быть, если попробовать перевести:
«Плохо мне, плохо!» А вечером: «Страшно мне, страшно!»

И ничего, кроме этого. В сказках детьми
Нам говфрить приходилось то с цаплей, то с волком.
Как хорошо, что мы взрослыми стали людьми
И не запомнили, как это делалось, толком.

---

* * *

Нет сосен в книге той и елей наших нет
С их темными, как ночь, косыми рукавами,
Смущающими тьмой румяный белый свет.
Нет сосен в книге той, нет ельника с тенями.

Не пасмурная ель, не хмурая сосна,—
Смоковница одна служила для примера,
Корявая, за всех должна была она,
Засохнув, показать, как много может вера.

Затем что на пути встречалась — наугад
В свидетели влеклась и к притче привлекалась
Смоковница одна да пыльный виноград.
А пасмурная ель на севере осталась.

А пасмурная ель да хмурая сосна
На помощь не пришли подруге узловатой.
Быть может, потому и хвоя так темна,
Что не подтверждена заветною цитатой.

ПЕТУХ

Петух, чудовище с кроваво-красным гребнем,
Зубчатым, губчатым, чуть загнутым, в твоём
Зверином облике неотразимо-древнем
Есть что-то гневное, грозящее огнем.

О, как ты топчешься на месте, узловатый,
Натужный, жилистый, как радужный божок,
Такой воинственный, в бою с другим помятый,
Землей присыпанный и пылью, как ожог.

Вот встал на цыпочки, вот снова в прах улегся,
Как будто вымазан в запекшейся крови.
О, есть ли кто-нибудь, кто в жизни не отрекся
Ни разу, праведный, от жизни, от любви?

Безумный, взвинченный, охрипший, безголосый,
Как сладко заново нам каждый раз с утра
Все начинать опять, как горько... помнишь слезы —
Не наши, жидкие, но, может быть, Петра?

---

* * *

А лучший довод в тексте, под рукой.
Когда бы мы внимательней читали!
Нас поощряет опыт стиховой
Любить с особой нежностью детали.

«Или! Или! ламá савахвані?»
Он Бога звал: «Зачем меня оставил?»
«Илью зовет», — не поняли они.

Евангелист, ты видишь, не лукавил,
Но записал все точно, сердцем чист,
Хотя берег бумагу и чернила.
Подробность, что в ней? Он не беллетрист,
И сух, и разве слог его цветист?

Но значит, это было, было, было!

---

* * *

«Встань, и возьми постель, и в дом иди, и встал,
И взял свою постель, и в дом пошел...» Отрадно
Мне вспомнить южный Крым, как я под небом спал
На шатком топчане во дворике квадратном.

Полночная теплынь, и шорохи в саду,
И сладкий запах роз, подмешанный к дыханью
Морскому... Дождь пойдет — я встану и войду
С постелью в дом... О жизнь, ты жжешься по
преданью!

И снишься, и горчишь... И вырваться из рук
Все так же норовит неловкая перина.
Мир скроен из забот и соткан из разлук,
Но есть в нем мягкий плед и скользкая холстина.

И плоский камень тот, что тридцать лет назад
Под ножку топчана подкладывал я,— тоже
Есть, боже мой, смотри, на что ни бросишь
взгляд —
Все к жаркой тайне льнет и в мире чудо множит.

---

* * *

Помочь тебе мне нечем, нечем.
Здесь непонятно, кто кому.
Недоуменный этот вечен
Вопрос; грамматика к тому
И клонит, видимо; в разборе
Ее загадок сохраним
Неясность горькую; но море,
Но это облако над ним!

Помочь тебе мне нечем, нечем!
И врать не стану, что могу.
Ведь я не божьим — человечьим,
И то поставленным в строку
Владею словом; в разговоре
Как мне найтись, — я сух и нем.
Когда ни облако, ни море
Не помогли тебе ничем!

И В СКВЕРИКЕ ПОД ВЯЗОМ...

Бог, если хочешь знать, не в церкви грубой той
С подсвеченным ее резным иконостасом,
А там, где ты о нем подумал, — над строкой
Любимого стиха, и в скверике под вязом,
И в море под звездой, тем более — в тени
Клинических палат с их бредом и бинтами.
И может быть, ему милее наши дни,
Чем пыл священный тот, — ведь он менялся с нами.

Бог — это то, что мы подумали о нем,
С чем кинулись к нему, о чем его спросили.
Он в лед ввергает нас, и держит над огнем,
И быстрой рад езде в ночном автомобиле,
И может быть, живет он нашей добротой
И гибнет в нашем зле, по-прежнему крошечном.
Мелькнула, вся в огнях, — не в церкви грубой той,
Не только в церкви той, хотя и в ней, конечно.

Старуха, что во тьме поклоны бьет ему,
Пускай к себе домой вернется в умиление.
Но пусть и я строку заветную прижму
К груди, пусть и меня заденет шелестенье
Листвы, да обрету покой на полчаса
И в грозный образ тот, что вылеплен во мраке,
Внесу две-три черты, которым небеса,
Быть может, как теплу сочувствуют и влаге.

---

* * *

Трагедия легка: убьют или погубят —
Искуplen будет мрак прозреньем и слезой.
Я драм боюсь, Эхил. Со всех сторон обступят,
Обхватят, оплетут, как цепкою лозой,
Безвыходные сны, бесстыдные невзгоды,
Бессмертная латынь рецептов и микстур,
Придет грузотакси, разъезды и разводы,
Потупится сосед, остряк и балагур.

Гуляет во дворе старик с больным ребенком,
И жимолость им вслед пушистая шумит.
Что ж, лучше б алкашом он был или подонком?
Всех бед не перечесть, не высказать обид.
Есть ужасы, что нам, должно быть, и не снились.
Под шторку на окне просунутся лучи.
Ты спишь? Не за тебя ль в соседней расплатились
Квартире толчеей и криками в ночи?

---

* * *

Так бывает: еще не уснул
И на звук откликаешься чутко,
Но уже отпустил караул
Золотого ума и рассудка,
И, сползая в целительный сон,
Растворяясь в затишье глубоком,
Словно страхом, внезапно пронзен
Судорогой, сильнее, чем током.

Словно кто-то ударил тебя.
Эта дрожь от макушки до пяток
Унизительна. Ангел, трубя,
Пролетел? Или лучше догадок
Не высказывать? Видел, как пес
Вздрагивает на тощей подстилке?
Рябь речная струится, берез
Содрогаются ветви и жилки.

Ты — оттуда, из темной семьи,
Из трепещущей, грубой, бессчетной,
Ненадежны потуги твои
Встать над массой их, влажной и потной:
Все равно ты вернешься туда,
В их объятья и переплетенья,
И дрожит в черном небе звезда,
Тоже темного происхожденья.

---

* * *

Спать, как рыбы морские, во тьме,
Шевеля плавниками,
Ничего не держа на уме,
Ластясь сплюсненными боками
К донным травам, а нету травы —
В пустоте, ни к чему не прикинув,
Спать, свои серебристые швы
Натянув, словно нить, или выгнув.

Спать, как рыбы морские, когда
Их, безропотных, сносит теченьем.
Спать, как будто густая вода
Желтоватым прошита свеченьем,
Спать, чтоб беды твои не в тебе
Размещались, а, может быть, рядом.
Спать, доверившись темной судьбе.
Да никто не смутит тебя взглядом!

Да вздохнет с облегченьем и тот,
Кто нас держит в смятенье и страхе,
Словно пуговицу отстегнет
На своей домотканой рубахе.
Спать, как рыбы морские, уйдя
И от самой могучей опеки,
Плавниками чуть-чуть поводя,
Опустив розоватые веки.

---

* * *

Инстинктивная жизнь роевая,
Не гуди, ты не нравишься мне,—
Общий мозг, где пчела боевая
Роль играет свою, как во сне.

Слаще меда, податливей воска;
Смерть замажут — и вся недолга.
Словно разные клеточки мозга:
Та — кормилица, эта — слуга.

Те, кто думают поодиночке,
Проиграют им в этой войне.
Общий мозг в золотой оторочке
Солнца, с пятнышками на спине.

О, лети разогретою пулей
Для своих коллективных забот!
Потому и вторжению в улей
Уподоблен двенадцатый год.

Потому-то, наверное, гений
И завидовал жаркой пчеле,
Что хоть несколько сладких мгновений
Жить без мысли хотел на челе.

---

* * *

В сад через ржавую входишь калитку.
Что этой почвы, в изломах, мертвей?
Бог виноградную создал улитку,
Чтобы нам опыты ставить на ней.

По изможденной земле, по изрытой,
В трещинах, комьях,— так трудно ползти.
Всякая тайна мечтает раскрытой
Быть,— запираясь, хандрит взаперти.

Кто ты? Биолог? Экспериментатор?
О, ради бога, возьми ее в дом,
В лабораторию: в ней медиатор
Празднует тайную встречу с белком.

Грустно мне, весело думать мне, дико,
Лестно и странно о нашем родстве
С этой безмозглой; прообразом тика
Нервного — щупальцы на голове

Чуткие... Что ж, и любовь, и обида —
Все это химия? О, не грусти:
Для вразумленья любимого вида
Богом подкинута здесь на пути.

---

* * *

Скорей соринка, чем жучок. Полусоринка,
Полужучок. Но как у нас из-под руки
Стремглав она бежит! Вот пауза, заминка.
Вот снова мелкий бег, зигзаги и рывки.

И можно ль не бежать, и можно ль не бояться?
Страх — вот что всех иных, священных чувств
древней.

Не помню, кто бежал так, бросив щит,— Гораций?
Соринкой лучше быть: поди ее прибей!

Жучок, товарищ мой, зазорный брат забытый,
Засунутый бог весть в какую пыль, сухой,
Запуганный,— задет слепой твоей обидой,
Что вижу? Голый страх, защитный страх живой.

Не память, не любовь, не жажда приключений
Роднит живущих нас, не поиски добра,
А страх, бессмертный страх... Тем храбрость
драгоценней!
Соринка, стать жучком решившись, так храбра.

---

* * *

Не спится мне. Счастливый миг упущен —
Мне ночь ужасный образ припасла.
На миллиарды счет идет живущим,
Как жизнь густа! А смерть — плотней и гуще,
И тем, кто умер, вовсе нет числа.

Когда б на ветвь, что блещет, как невеста,
Вернуть все листья, жившие на ней
Когда-нибудь, — им не хватило б места!
Когда б вернуть всех умерших людей!

Как будто смерть всю ночь здоровьем пышет,
Тьмы дождалась — и вот берет свое.
Я слышу шум, но шум себя не слышит.
Иль это жизнь в объятьях смерти дышит
Так тяжело, что страшно за нее?

---

* * *

Куда? Быть может, на Евфрат,
На Тигр от нас они летят
Сквозь дождь и дым — стокрылым клином,
Как клинописное письмо,
Себя забывшее само,
К тем тростникам и красным глинам.

Дощечка глиняная спит
В музее лондонском, обид
Не перечислить, бед и гиблых
Веков под пеплом и золой...
Летят над морем, над землей,
И грустно нам от криков сиплых.

Пишу я в маленький блокнот,
Потом сам черт не разберет,
Мне дождь мешал, рука дрожала,
Все хуже почерк мой, грубей,
К двуречью слез, к истокам дней,
К ущербу клонится устало.

Глаза хоть тряпкой им накрой,
На память путь читают свой.
А я в сыром поселке дачном
Стою, смотрю на журавлей,
Средь кольев, клиньев и жердей,
Под небом северным, невзрачным.

По глине скользко мне брести.
Я строк пятьсот перевести
Здесь должен среднеазиатских...
Лететь бы в небе налегке,
Кричать на мертвом языке,
Не знать подстрочников дурацких!

А жизни только смерть под стать.
Клин клином надо вышибать.
Я к птицам темный взгляд подьемлю:
Счастливым может быть и стои.
А человек — из глины он,
Из праха — скоро снова в землю.

---

* * *

Надгробие. Пирующий этруск.
Под локтем две тяжелые подушки,
Две плоские, как если бы моллюск
Из плотных створок выполз для просушки
И с чашею вина застыл в руке,
Задумавшись над жизнью, полуголый...
Что видит он, печальный, вдалеке:
Дом, детство, затененный дворик школы?

Иль смотрит он в грядущее, но там
Не видит нас, внимательных, — еще бы! —
Доступно человеческим глазам
Лишь прошлое, и все же, крутолобый,
Он чувствует, что смотрят на него
Из будущего, и, оставив чашу,
Как звездный свет, соседа своего
Не слушая, вбирает жалость нашу.

БОЛЬШИЕ
ЧИСЛА

---

* * *

Помню, в детстве на улицах было не много людей.
Никого не задев, по Большому пройти было можно,
Как на Крите, наверное, в пору микенских царей.
Жизнь с тех пор не узнать: многолюдна, густа,
суматошна.

Я кажусь себе чуть ли не тем, кому друг —
Менелай,
Кто едва ли не Федру запомнил в гостях или
сквере.

А еще по проспекту ходил в эти годы трамвай,
Как он в этом ущелье тогда помещался, в пещере?

Как же все изменилось с тех пор, ничего не
узнать!

А хотим, чтоб о нас говорили, чтоб знали
нас,— дико
Это наше желанье, минувшей эпохе под стать
Малолюдной... Пестра безразмерная жизнь,
многолика.

Многонога, быстра, никогда, никогда не была
Многоглазой такой, многорукой и многоголовой.
Поощренья просить у такого большого числа?
Быть любимым листком в этой тьме тополиной, кленовой?

На каком основанье? В клубящейся этой толпе
Быть отмеченным сверх общепринятой меры неловко.
Где младенческий век, о необщей мечтавший судьбе?
Оглянусь: где тот сквер? где трамвайная та остановка?

---

* * *

Читая Набокова, думал о том,
Что слишком счастливое детство опасно:
За дом петербургский заплатишь потом
Изгнанием и бедностью, — многообразно
Несчастье, — за синий биаррицкий пляж,
За вид из окна на Большую Морскую,
За взятый с витрины гигант-карандаш —
Бездомную вытянешь долю чужую.

И Трифонов нам рассказал о своем
Привилегированном детстве и доме
С вахтером в подъезде, с балконным окном
На звезды в рубиновой сладкой истоме, —
Мы знаем, чем кончилось это... нет-нет,
Не надо казенной машины и дачи;
И разве ребенок, купивший билет
В кино, не счастливее всех и богаче?

---

* * *

Ребенок в темноте разменивает страх
На смех: чем больше страх, тем громче жалкий
хохот.

А это что? Диван. А это, это, ах,
Не кресло ли впотьмах? Какой ужасный грохот!

Как будто руки кто расставил в темноте,
И вот — не обойти ужасное объятье.
Он выскользнет. Ему ночные страхи те
До Гоголя дадут о Гоголе понятие.

Он выживет. Но часть смешливая души
Останется с тех пор подпорчена гримасой.
Он вспомнит этот смех — над книгою в тиши,
Он вспомнит этот дуб мореный, кареглазый.

Он вспомнит этот страх. И выношенной тьмой
С озябшего плеча — его накроет снова.
Он всмотрится в себя: не страх ли, боже мой,—
Он всмотрится в портрет: не страх ли — брат смешного?

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

А, здравствуйте... Да ничего. Живу.
А вы как?.. Замерзаете?.. Морозы
Проклятые... Как съездили в Москву?
Неплохо... Это что-нибудь из прозы?..
Нет, не читал... Наверное... А нам
Понравился Флоренский... «О природе».
В «Лит. Грузии»... Как вам сказать? Цветам,
Скорей, и горным рекам... Что-то вроде,
Но тоньше и умнее... Нет, Кавказ.
Батумские окрестности. Ребенку
Подмигивает бархатистый глаз
Фиалки, отводя его в сторонку
И дымчатый приподнимая край
Завесы... Очень пристально и густо...
Без мистики... Ну, разве невзначай.
Зато, как показалось, не без Пруста...
Я думаю, как раз тогда прочли...
У Белого и в прозе Пастернака...
Мы не были... Нет, просто не могли...
Не вышел? И не вспомнил? Вот собака!..
Не думаю... Не думаю... Не ду...
А вы ему напомните, как в Ялте
Захаживал... Вот именно... Зайду...
Вот именно... В апреле или в марте...
Надеемся... Вы тоже... Устает...
И дома и на службе... Разве слышно?

Десятая... Сейчас как раз начнет.
Труба, труба и флейта... Неподвижно,
Бесчувственно, как бы топчась, едва
Заметная... Как будто из-под палки...
Звоните нам... И мы... Как все слова.
Как все слова в сравненье с нею жалки!

---

* * *

Потом не спишь, перебирая
Всех, кого видел на собрание.
Бобров пришел, уселся с края,
Весь — возмущенье и вниманье.

— Докладчик правильно отметил...
— Как здесь сказал Арам Гурамыч...
Билялетдинова в берете,
Спит в нем или снимает на ночь?

— Что секционная работа
Могла быть лучше, спора нету,
В ней не хватает нам чего-то,
Мы приготовили анкету...

Спи. Сколько можно в самом деле
Переворачивать подушку?
Боровикова пожалели,
А с Полякова сняли стружку.

— Нас беспокоит наша смена
И средний возраст коллектива...
Отметит, как обыкновенно?
Скороговоркой, торопливо?

Неужто выделит из списка?
Скорей всего, по алфавиту...
Карманов, Копасов... уж близко...
Как нелегко глотать обиду!

А эта дура Бодрякова
С ее сочувствием горячим...
Горфункель... Где он это слово
Усвоил жуткое: тем паче?

Ну, невозможно!.. Неужели
Ты ни о чем другом не в силах
Подумать... Веки тяжелели —
Опять очнулись, чуть закрыл их.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

«Счастливого докушиванья!» — нам
Соседка в доме творчества желала,
Бумажную к накрашенным губам
Салфетку поднося, потом вставала
И шла к себе. Я допивал компот
И говорил: «Ну вот я и докушал!»
— «Как, счастливо?» — ты спрашивала, рот
Поджав, подобно томной нашей клуше.

Смешней, чем речь соседей по столу,
По очереди, по трамвайной тряске,
Нет ничего. Я пьесам похвалу
Прочесть бы мог: ведь дело не в развязке,
Не в действии, а только в языке.
Мы все в таком участвуем спектакле,
Поставленном в великом драмкружке.
Дом творчества — уже смешно, не так ли?

2

«Почему ни с того ни с сего?
И с того и с сего!» — говорю.
Наша речь! Нет смешней ничего.
Чтобы смех подавить, закурю.
Неудобно же спор прекратить
Оттого, что смешон оборот
Речевой! Но и, видишь ли, длить
Тяжбу жаркую смех не дает.

И если можно «друг степей»
Сказать про пыльного калмыка,
То вот Сезанн тогда, скорей
Всего, друг яблок... Это дико
Звучит? Что делать! Робеспьер,
Известно точно, друг народа.
А Шостакович, например,—
Продольной флейты и фагота.

Так мы шутили... Глыбы льда
Шли к устью, синь и позолота.
— А я сегодня враг труда,
Но друг Невы и ледохода.
— А «враг народа»? Боже мой,
Ты помнишь, помнишь эту пару,
Как галлицизм ее слепой
Привился к нашему кошмару?..

МУЗЫКА

Как полусгнившее на берегу бревно,
Валялась музыка, в сырой песок зарыта.
Она? Нет, мертвое, набухшее, оно.
Тоска размякшая, намокшая обида.

Вот так вдоль берега ты шел промозглым днем,
Оставив в номере, как теплый шарф, сознание.
Но друг мой, что это? На черном и сыром
Как будто судорога... или трепыханье...

Плавник, наверное,— не может быть крыло.
Всплакнула скрипочка и снова оплошала.
Как нам мелодия дается тяжело!
Вздохнула музыка, очнулась, задышала.

Живая, плещется и, слышишь, бьет хвостом.
Томилась, корчилась... А ты хотел бы сразу?
То ухом раковина кажется, то ртом,
Угромо сомкнутым, состроившим гримасу.

А ты, какой ты сам пример ей подаешь?
Как с первых тактов ей тебя пленить, приветить,
Когда и сам ты чувств своих не помнишь,— дрожь
И мгла,— на слабый зов готов не вдруг ответить.

* * *

Две колонны, смотри, отражаясь в пруде
В миг, когда по воде пробегает озноб,
Обнимаются, переплетаются,— где
Прямизна, твердокаменность их? — вроде троп
Луговых, расходящихся, лент или змей,
Или тех близнецов в многодетной семье,
Или парочки этой на фоне ветвей
В простодушной тени на садовой скамье.

А теперь и графически я покажу,
Как они в этой складчатой пленке дрожат,
    Преступают между
Синеокою, сходятся, радуя взгляд,
    Расступаясь, бегут.
Косность — что это? Прочность, незыблемость, вес?
    Там и тут
Растекаются негой по влаге небес.

Две колонны, ты видишь, им тяжесть скучна,
Им в своем материале: известка, да мел,
Да кирпичная кладка — обида дана
Неподвижных, на вечность покинутых тел,
Им приятней змеиться, топорщиться, течь,
Обливаться слезами, друг к другу припав,
Им все время мерещится если не речь,
То мгновенная слабость влюбленных и трав.

---

* * *

Графомана-безумца письмо
Красно-черно-зеленого цвета.
Это подлинной страсти клеймо,
О, как страшно оно разогрето!

И в разрядку, и множество слов
Им подчеркнуто жирной чертою.
Вот кто к смерти за рифму готов,
За эпитет — к войне и разбою.

Вот кто предан поэзии, вот
Пыл где грозный. И с первого взгляда
Видно: выследит он и убьет,
Если сам себе скажет: так надо.

Я-то трезвый, не знаю причуд.
Я и странностям не доверяю.
Не хочу, чтобы пятый маршрут
Шел по третьему. Я и трамваю

Так скажу, и поэту... Хотя...
Иногда... Но об этом ни слова.
По Литейному к Охте летя,
У стола пропадая ночного.

---

* * *

Мне интересней читать в дневнике
У Никитенко, как он Гончаровым
К морю приведен был, на языке
Местном представлен был хлябям лиловым,
Рекомендован косматой волне,
Скалам Булони в сверканье и шуме,
Также — баньеру в большой простыне
И англичанке в купальном костюме.

Весело было, с плащом на руке,
Скромно стоять, улыбаясь матросу.
Мне интересней читать в дневнике
Все это, чем гончаровскую прозу,
Знал бы прозаик, как будет в зачет
Точность поставлена, мнительный, мог ли
Думать, что сладостней вымысла тот
Берег английский в подробном бинокле!

---

* * *

А все же тургеневский низкий диван либеральный,
На нем разговор полуночный, слегка завиральный,
Мне ближе, умеренный, чем фанатизм записной:

Напор радикальный

И бред ретроградный или, того хуже, квасной.

«Конечно, конечно, напыщены немцы и грубы,
Мы предпочитаем дубленые наши тулупы,
Луи Бонапарт отвратителен, но подождем
Прощаться с Европой, ее паровозы и трубы

Дымят под дождем.

О, чем отпевать ее, нам бы набраться терпенья
И земству содействовать... Ох, соловьиное пенье...
Не справа, а слева... не в ельнике, а в бузине!

Ах, стихотворенье

Любого трактата милее и спора, по мне».

Ни с теми, ни с этими... И, потирая колено
Ладонью, твердит: «Постепенно, мой друг,

постепенно...»

Он негениален — и значит, не трогает нас,
Хотя и глядит обаятельно, проникновенно.

А мы бы хотели — сейчас.

---

* * *

Но и ты, европеец, в себя загляни — обомрешь,
Изумишься, отпрянешь: увы, на кого так похож
Ты? На полинезийца. А что? Суеверья и страхи
Те же самые, дрожь.

И кристаллы — родня тебе в грубой гранитной
рубахе.

Разве он не загадочен, каменный, кварцевый мир?
А коралловых рифов ветвистый, пластинчатый пир,
Расцветающий к ночи,
Распускающий щупальца? Вспомни, ночной пассажир,
Ожерелья огней все равно где: в Венеции, в Сочи...

Сколько в прожитом веке мы видели всплывших
со дна
Соблазнительных ужасов! Донная, как ты страшна
Роковая архаика с желтым от ревности взором!
Кровь и впрямь солона,
И народы подвержены жарким болезням и ссорам.

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

Во всей Европе плачут в эту ночь
О человеке, где-то на Востоке
Умершем так давно... что ни помочь,
Ни защитить... о мертвом плачут боге,
Который видит плачущих о нем
С ночных небес... И, смерть его оплавав,
Жалеют всех, скорбят о всех — в одном,
Пред смертью каждый наг и одинаков.

И снег с дождем стекает в эту ночь
Со статуи апостола на паперть.
Но мысль о знойной мгле не превозмочь:
В двухтысячный раз будут скоро плакать.
А на Востоке зимний жар таков,
Что от жары лицо в ладони прячут.
Не выжать слез из жалких облаков,
Ни капельки... когда в Европе плачут.

Во всей Европе плачут в эту ночь.
Сугроб окрашен фарами машины
В багровый цвет... Прощай, мы едем прочь,
Сквозь шелк дождя и снежные гардины.
Уборист дождь, и снег тяжеловат.
И больше всех томится и жалеет
Тот, кто сейчас заплакать был бы рад,
Что он со всеми плакать не умеет.

---

* * *

Есть два чуда, мой друг:
Это нравственный стержень и звездное небо,
по Канту.
Средь смертей и разлук
Мы проносим в стихи неприметно их, как
контрабанду,
Под шумок, подавляя испуг.

Не обида — вина
Жжет, в сравнении с ней хороша и желанна обида.
Набегает волна,
Крабы, камни, медузы — ее торопливая свита.
На кого так похожа она?

Пролетает, пища,
В небе ласточка, крик ее жалобный память
взъерошит.

Тень беды и плаща
Вижу; снова никак застегнуть его кто-то не может,
Трепеща и застежку ища.

Кто построил шатер
Этот звездный и сердце отчаяньем нам разрывает?
Ночь — не видит никто наш позор.
Говорун и позер
Сам себе ужасается: совесть его умиляет.

Иглокожая дрожь.

Нет прощенья и нет пониманья.

Но, расплакавшись, легче уснешь.

Кто нам жалость внушил, тот и вызвездил мрак

мироздания,

Раззолоченный сплошь.

---

* * *

Он, о себе говоривший, что крупного плана
Видеть не может без слез на экране,— шутя
Это сказал,— все равно, даже хвостик барана
Маленький, толстый, тем более — струи дождя,
В фильме как будто бегущие вскачь, и малина,
Белые, острые, цепкие листья ее,
Взгляд человеческий, женское платье, овчина
Желтая, жесткая, жаркая, просто тряпье
Или репейник, тем более — цепкая дверца
Автомобильная, кто обращается с ней
Так осмотрительно? — шелкнула,— екнуло сердце,
К псковскому поезду! — потные лица детей,
Он, замороченный лэфовскими остряками,
С ними не спевшийся, хоть и пристегнутый к ним,—
Как на экране глаза голубеют белками!
Нет, кроме шуток, и бог, если есть,— нелюдим,
Полка вагонная, плащ, на крючок аккуратно
Кем-то повешенный, кажется, нет ничего
Будничней, господи, жилки венозные, пятна
Старческих рук, это счастье смертельно, громадно,
Весь он в слезах — и не надо смотреть на него!

ВЗДЫБЛЕНА,
ШЕРОХОВАТА...

---

* * *

Я знал, что не сухой, а нервной и чуть влажной
Окажется рука, когда протянешь мне.
Неровный разговор, стремительный. Неважно,
О чем. Мы в первый раз с тобой наедине.

О жизни. Чтобы так любить ее, бояться,
Так вспыхивать, когда о море говорят,
О Крыме, о весне, так в людях разбираться,
Сквозь рай какой пройти пришлось тебе и ад!

А в призрачных стихах про ласточку слепую
Беспамятство, как тень, бредет в стране теней,
И слово вновь в строку вернуться стиховую
Мечтает... нежный смысл — ему награда в ней.

Я тоже их люблю едва ли не сильнее,
Чем все другие... Мысль в стихе растворена.
Как сахар. Пили чай. Не юность всех нежнее,
А зрелость горяча, и опытность нежна!

И разве этот блик не знак, не обещанье?
Он свой парчовый клин в простую скатерть вшил.
И, руку протянув в прихожей на прощанье,
Ты знала: и простясь, расстаться нету сил.

---

* * *

Когда-нибудь время научатся в плотный рулон,
Чтоб в более ласковом вновь развернуть его месте,
Сворачивать так же, как ватман сейчас и картон.
Пройдут сквозь разлуку и снова окажутся вместе:
Здесь,— скажут,— ровнее, а там был заметный
наклон.

Не знаю, как держатся рюмочки наши, ножи.
Однажды, я помню, ковер на бугре расстелили
И пили на воздухе. С криком летали стрижи,
Тарелки съезжали, и потные чаши скользили.
Со скользкою жизнью как справиться лучше, скажи.

С неровностью жизни, со всеми буграми ее,
Изъянами, ямами... Вздыблена, шероховата.
Какое непрочное, дивное, злое житье!
Ты тоже увертлива, мглиста, нежна, виновата.
Кто существованье твое наложил на мое?

---

* * *

Как Солнце, как Луна... все это не внушает
Мне трепета... увы! Песнь Песней, царь царей,
Мертвеет, обветшав,— никак не обветшает,
Хоть нас переживет, мне нет отрады в ней.

Быть может, потому, что я слоновой кости
Не видел, разве что на клавишах: желта
С отливом меловым... Ни финиковой грозди.
Иль гроздь здесь ни при чем? Не видел никогда.

И чужды нам твои преувеличенья.
Кого мы любим, спят, укрывшись с головой.
Ненужные слова и жалкие мученья,
Да музыки с утра побегка за стеной.

И лишь когда с полком под знаменем, с войсками
Под стягами любовь ты сравниваешь,— мне
Над мертвыми застыть случается стихами,
И темный холодок крадется по спине.

* * *

Вторая жизнь моя лет в сорок началась.
Была дарована мне ласковая встреча.
Так вот чего я ждал, так вот что я, томясь,
Всю жизнь в виду имел, весенним дням переча,
Изнемогая в их дыханье: чем влажней
Оно и сладостней, тем нестерпимей мука.
Так вот подтаявший о чем мне меж корней
Снежок докладывал, о чем мне пела скука.

Так вот что льдистые хотели мне бруски
Сказать, по желобу скатившись жестяному!
Что я когда-нибудь избавлюсь от тоски,
Что друга встречу я, что смутную истому
На новый взгляд сменю и полнокровный стих.
И благодетелю на станции почтовой
Слов не найти таких... А ты, ты знала их;
В тот миг, обняв тебя, я вышел к жизни новой.

---

* * *

Семь лет — вот срок любви, подмеченный не нами,
А той, чей строгий стих так важен и высок,
Что предпочесть ему хотелось временами
Нам несколько иных, полегче, милых строк.

И мы их всякий раз, помедлив, находили
У старшего ее собрата и врага,
Любившего сирень, театр, автомобили,
Увы, порочный вкус! — жокеев и бега.

Семь лет — вот срок любви... Но если вам за
сорок,

И раза два по семь и больше знойных лет
Уже явили вам свой дым, и чад, и морок,
И пыл, и полный крах, и если в мире бед,

Как на другой звезде, приснились вы друг другу,
И там, открыв глаза, увидели, смутясь,
Что это явь — не сон, что сон и впрямь был в руку,
Что снилась вам всю жизнь, всю смерть — такая
связь,

Тогда вам станет дик любой подсчет... О, если б
Жить, просто жить, уйти вдвоем — и жить опять,
Под лампой, обнявшись, сидеть в глубоком кресле
И жаркий опыт свой в стихах не обобщать.

---

* * *

Ты не права — тем хуже для меня.
Чем лучше женщина, тем ссора с ней громадней.
Что удивительно: ни ум, как бы родня
Мужскому, прочному, ни искренность, без задней
Подпольной мысли злой,— ничто не в помощь ей.

Неутолимое страданье
В глазах и логика, тем четче и стройней,
Что вся построена на ложном основанье.

Постройка шаткая возведена тоской
И болью,— высится, бесслезная громада.
Прижмись щекой
К ней, уступи во всем, проси забыть,— так надо.

Лишь поцелуями, нет, собственной вины,
Несуществующей, признанием — добиться
Прощенья можем мы. О, дочери и сыны
Ветхозаветные, сейчас могла б страница
Помочь волшебная, все знающая,— жаль,
Что нет заветной под рукою.
Не плачь. Мы справимся. Люблю тебя я. Вдаль
Смотрю. Люблю тебя. С печалью вековою.

---

* * *

Как писал Катулл, пропадает голос,
Отлетает слух, изменяет зреньё
Рядом с той, чья речь и волшебный образ
Так и этак тешат нас в отдаленье.

Помню, помню томление это, склонность
Видеть все в искаженном, слепящем свете.
Не любовь, Катулл, это, а влюбленность.
Наш поэт даже книгу назвал так: «Сети».

Лет до тридцати пяти повторяем формы
Головастиков-греков и римлян-рыбок.
Помню, помню, из рук получаем корм мы,
Примсряем к себе беглый блеск улыбок.

Ненавидим и любим. Как это больно!
И прекрасных чудовищ в уме рисуем.
О, дожить до любви! Видеть все. Невольно
Слышать все, мешая речь с поцелуем.

«Звон и шум,— писал ты,— в ушах заглохших,
И затмились очи ночью тенью...»
О, дожить до любви! До великих новшеств!
Пищу слуху давать и работу — зренью.

* * *

О, не так уж важно, не так уж важно,
Знаю язык я или не знаю.
Словно пальцем по буквам отважно
Провожу, словно камень ласкаю.
Древнегреческие обветшалые буквы
Кажутся знакомыми, родными.
Услаждали взгляд, лечили недуг вы,
Угловатые, чертами прямыми.

Если ж вазу рассматриваю, все вообще понятно:
«Кадм» — прочесть могу над Кадмом, «Афина» —
над Афиной.

Быстроногие рисунки, яркие пятна,
Речь волшебная, ставшая глиной.
Я в любви всегда был учеником способным.
Ты и впрямь вышивать не умеешь, Елена.
Здесь я пользуюсь метром чужим, разноstopным,
Тот, кто любит стихи, отгадает мгновенно.

Ну не все ли равно, не все равно ли,
Кого мы любим, лишь бы любили.
Помнишь летом репы на цветном подоле
И оборку туманную белой пыли?
Если нравилась больше ему на брюках
Пыль, какое нам дело? Зато впервые
Он на греческих шатких привел фелюках
Стих наш северный к стенам Александрии.

В этих строфах ставлю в пример себе я
Эту нежность, ритмической ставшую речью.
Золотая, кроткая Пантикапея
Достижима; ты знаешь, она под Керчью.
Не притворство — любовь, и совсем не коварство,
С нею не были мы одиноки,
И когда мы рухнем, как Боспорское царство,
Сохранятся, может быть, эти строки.

---

* * *

Как счастье притупить, чтоб горе не кололо
Так сильно? Чем пышней столикая волна,
Тем ярче будет боль, чем выше брызги с мола
Взмывают, тем страшней расплатишься сполна.

Уставясь взглядом в дверь и голову руками
Неловко обхватив: за что? — спросить рискнешь.
За то, что весь водой затоплен скользкий камень,
Облеплен бородой и ракушками сплошь.

Не лучше ль в полусне тихонько жить вполсилы,
С прохладцей гладить куст и в море лезть с ленцой?
Как давний общий наш один приятель милый,—
Вот кто и впрямь мудрец, не то что мы с тобой.

За то, что стрекоза, свои четыре полки
Повесив над тропой, ждала волшебных книг.
За то, что в нас с тобой как будто из двустволки
Стреляют: я сражен — ты гибнешь в тот же миг.

Зачем обведен мыс как будто по лекалу
И ласточкино так изогнуто крыло?
Вполглаза бы пожить, вполслуша, вполнакала...
Ни счастье нас достать, ни горе б не могло!

* * *

Видов рая больше, чем вы думаете.
Забредя на теннисные корты,
Вы ни с чем, ни с чем его не спутаете:
Хлесткий звук и глаженные шорты.

И ползут, ползут по сетке проволочной
Краснощеких зрительниц гирлянды,
Чтобы вдруг врезался мячик войлочный
В их шипы и огненные банты.

Ах, умей и я играть, наверное,
Был бы жизнерадостней и гибче.
Или внес бы рвенье слишком нервное
В развлеченье это полуптичье?

Может быть, вся жизнь была ошибкою
И прожить бы мог ее иначе,
Посылая мячик кистью гибкою
В левый угол с бешеной подачи?

Как подвоха ждал бы, как разгадывал
Все удары, хищные приемы...
Вот куда ни разу не заглядывал
Флорентиец, за руку ведомый!

---

* * *

Стрижи-разбойники и ласточки-малютки
Весь день летают здесь.
На спинке пятнышко, нет, кажется, на грудке.
А стриж коричневый, кофейно-черный весь.

Я спал. Дневного сна страшны разоблаченья.
Проснешься — смята жизнь, как эта простыня.
Мне вдруг последние мученья
Сквозь жар привиделись, кто выручит меня?

Я, мне, меня, со мной... Неужто с вами тоже?
Привстал, пошатываясь, вышел на балкон:
Зной подозрительный, и воздух смуглокожий,
И мглистый небосклон.

Стрижам-разбойникам и ласточкам-малюткам,
Снующим здесь и там,
Их милым колкостям, их острокрылым шуткам
Спасибо, грудкам их, раздвоенным хвостам.

Спасибо девушкам, любившим нас, спасибо
Объятням, с пятнышком родимым на спине,
Их смеху, ибо
Все это сгнуло; и было как во сне.

---

* * *

Как белый снег в горах, чуть розоватый
В лучах рассветных, бледно-голубой,
Невинный снег, ни в чем не виноватый,
Как синий снег в глубокий летний зной,
Пленяющий воображенье наше,
Как влажный снег, дымящийся упрек,
Лежащий там, среди горных круч, на страже
Нездешних нег, всей жизни поперек,—

Так сон порой таинственно не тает
В дневных лучах, весь день прельщая нас,
Сквозь все слова и мысли проступает,
Сквозь все дела, невидимый для глаз,
Как в дымке, виден внутреннему взору,
Из-за дрожащей как бы кисеи
Еще раз к нам прийти в ночную пору
Намерен, нежа замыслы свои.

КИПАРИС

За то еще люблю я черный кипарис,
За то еще люблю, за то еще, что, черный,
Он всех темнее здесь, и сверху смотрит вниз
Один повисший клочок, безвольный, беспризорный.

Я черный кипарис за то еще люблю,
Что жесткие наверх зачесывает прядки,
Что вспомню про ларец и запах уловлю
Бессонных тех стихов, разбитых на тройчатки.

Бумажные листы в смолистой духоте.
С бессонницей всю жизнь бороться, задышаться.
Что видит кипарис? Кораблик на воде,
Как пенится волна и гребни золотятся.

Нам вечность на земле при жизни суждена,
Как если бы в одну вместились жизнью десять.
Но как ни привыкай, когда-нибудь она
Кончается, себя дав ночи перевесить.

Я черный кипарис за то еще люблю,
Что, сделав из него скрипучие носилки,
Несут на них во тьме уснувших к кораблю,
И черная земля, как сон, горит в затылке.

Прощай! В другой стране таинственной очнись,
Где хвоя никогда сухой не будет, пыльной.
За то еще люблю я черный кипарис,
Что лучший обелиск он мертвым надмогильный.

---

* * *

Но больше всех стихов роскошных, величавых
Люблю «Ненастный день потух...», «Желанье славы» —
Заветных два, и тьму полудночную в них,
И шум морской: вот взмыл, вот, мнится, вновь затих.

Мне видится в скале неровный ряд ступеней,
И больше всех его любовей, увлечений
Мне нравится она, которую назвал
Он милой; лишь ее, — он славы не желал.

И, гибкую рукой, я знаю, загорелой
С наружной стороны, а с тыльной — нежно-белой,
Обвив его, во тьме шептала то, что он
И в северных лесах был помнить принужден.

У них мы все, у них подслушали тот шепот
Прерывистый... Ах нет, не так, сначала опыт
У нас самих такой горячий, тайный был.
И разве кто-нибудь, как мы, уже любил?

Все, все, что ночью той она ему шептала,
Вошло в родной язык, любовной речью стало...
Неверная, всем, всем обязаны мы ей,
Сиянию луны, мерцанию зыбей.

---

* * *

Ну как? Ну, здорово? Ну, нравится тебе?
Я пристаю весь день, как будто этот край
Приморский, ласковый, с листочком на губе
Скупым, самшитовым, и ласточкиных стай
Косых, стремительных неистовый полет,
И горы сонные за знойной пеленой,
Все это, в сущности, и нежный небосвод,
И волны — созданы и выдуманы мной.

И одобрение твое — награда мне,
А восхищение... я поощрен, я рад,
Я горд... И то сказать, с собой наедине
Мир этот солнечен ли так же, и покат,
И щедр?.. Нет, милая. И если божий лик
И впрямь когда-нибудь отобразится здесь,
В огромном зеркале, то вспыхнет в тот же миг
В нем человеческий бесчисленный облик весь.

---

* * *

О, да! Как мошкара над ярким фонарем,
Последним фонарем на каменном причале...
Скажи, что мы не так беспочвенно живем,
Таинственно, темно, что сладко спим ночами.

Скажи, что знаем мы, куда летим во тьму,
Что страшный путь меж звезд осмыслен и понятен.
Над бездной яркий свет последний — и к нему
Приток эфемерид, и море черных пятен.

И хлюпанье воды, и клетот горловой,
Неколебимых свай надежный лес железный.
Скажи, что дорог нам счастливый миг живой,
Телесно-золотой, прекрасно-бесполезный.

Как мошки над огнем слезящимся. О, да!
Мы вынесены в ночь, мы выдвинуты в хаос.
И черная внизу шевелится беда.
Соленой ночью нам достался верхний ярус.

Когда они почти вплотную к фонарю
Пронесаются, сверкнув не точкою, а змейкой,
На маленькие их я молнии смотрю
С опаской и тоской горячей ночью клейкой.

---

* * *

Смотри, здесь бабочка со мною за буйки
Не заплывает,— залетает.
Какие делает рывки она, броски,
Как будто с берегом все связи обрывает.

Как тот, кто любит нас и с берега следит
Глазами яркими за нами,
И взгляд, как бабочка, пылает и дрожит,
Подсвечен, кажется, лазурными волнами.

Я знаю, чем любовь я эту заслужил.
О, совпадение, пониманье!
Ты лишь подумала — я вслух проговорил.
Но белой бабочки вниманье...

Оно, наверное, дано мне просто так.
Лети назад, здесь слишком влажно.
Гребок зачем тебе? Мешай мне сделать шаг
На тропке вьющейся, мечась в ногах отважно.

---

* * *

Этот берег скалистый, противоположный,
В знойной дымке полдневной, текучей, роскошной,—
Что там так розовеет, гранит, известняк?
Проступает, как розовый куст придорожный,
Санаторий, быть может, прибрежный маяк?

Он из той же породы, из камня того же,
Что и скалы, такой же он розовокожий,
В тот же воздух закутан и морем подмыт,
Только на миллион лет, пожалуй, моложе
И на столько же меньше тех скал простоят.

Ничего, не жалея его. Розовость эта
Облаками замечена, морем надета
На себя и до смерти останется в нас,
Еще менее прочных, смотревших все лето,
Как он рдел, разгорался, а в сумерки гас.

---

* * *

Вдоль берега тростник шагает копыеносец.
Сухому шелесту я рад.
Морозов здесь не ждут, возможен лишь морозец.
И в ноябре еще цветет за пляжем сад.

Во всем растительном, густом его уборе
С десятков храбрых роз еще пленяет взор.
В кривое море
Я лез, в остывшее, еще вчера на спор.

На север снежный
Мне так не хочется; я изменил друзьям,
Неве, делам своим; я, точный и прилежный,
К необязательным прикован небесам.

Что ж, разве мы своим теплом не согревали,
Строкой пылающей не расплавляли лед,
Как углем, тлеющим в развале
Грунтовых, уличных, дымящихся работ?

И в прошлом веке так: то оттепель, то стужа,
Мороз крепчает ввечеру.
И все же, снежная, с оглядкой, неуклюжа,
Смотри: жизнь сдвинулась к надежде и добру.

Живи, где хочется! Везде найдется повод,
Зацепка, ниточка, предлог,
Пустяк какой-нибудь, хоть оголенный провод,
Чтоб побежала мысль и заструился ток.

О, если б знали вы, как ночью видеть дико
Фонарь последний, золотой
В зеленых зарослях: самшит и ежевика —
А дальше — тьма, обрыв, надежды никакой.

К стране заснеженной подсесть отрадно с края
Вечнозеленого, где мягкий ветерок,
Так снисходительно внимая
Нам, если выскажет, то разве что упрек.

---

* * *

«И на траве два изумруда...»

А. Фет

Этот... как его... ну... светлячок!
Я минуту искал бестолково,
Затерялось в тени — и молчок —
Это детское, южное слово.

Так, как будто доверия нет
К восхитительным божьим причудам,
Я смотрел на прерывистый свет,
Пролетающий черным маршрутом.
Но припомнил, что старый поэт
Эти вспышки сравнил с изумрудом.

И свидетельство это меня
Убедило едва ль не сильнее,
Чем таинственный промельк огня:
Не привиделось мне, не во сне я!
Как в коробочке, пламя храня,
Брат мой старший, в стихах пламенея.

---

* * *

Сколько веков пронеслось и еще после нас пронесется...
Римского автора я неизвестного вспомню в Крыму.
«Ежели в этом саду ты поставишь ведро из колодца
Наземь, то негде стоять будет тебе самому».

Ну что с того, что ноги ледяная касается дужка?
Важен зато и тенист широколистый инжир.
Я и в стране бы такой не скучал — хорошо раскладушка
Прячется в тень, а с нее видно море, и горы... весь мир.

В юности нравится нам бесконечность пространств...
Замечаю,
Что, подрастая, душа к почвам возделанным льнет,
Труд начинает ценить, культиватор, прижатый к сараю,
Розу махровую, мысль и овец тонкорунных пород.

Тешат меня две строки позабытого автора... Страшно
Вспомнить, как низко цена падает вдруг на людей
Там, где не считан простор, где метель завывает протяжно...
Зарифмовать бы, обжить, ублажить эту глину скорей!

---

* * *

Мне, Плиний, мне позволь задание твое
Исполнить: все равно Каниний Руф в убытке
Не будет... предпочел он лень и забытье
Тому, что ты ему в своем поведал свитке.

Он истинный поэт, поэтому ленив.
Ну что ему дельфин, играющий с мальчишкой?
Добро бы ты велел воспеть, красноречив,
Походы на Дунай с годичной передышкой.

Он думает, твой Руф, что ваши времена
Нуждаются в стихах широкого звучанья.
Ну что ему дельфин, двугорбая волна,
Шерстистое ее шипенье и ворчанье?

Есть в Африке у вас колония... Живут
В ней несколько семейств замшелых ветеранов
На самом берегу... Дельфины тут как тут
Среди морских зыбей и утренних туманов.

Мне, Плиний, мне позволь в стихи переложить
Сомнительный рассказ... Чудовище морское
Привыкло одного из мальчиков возить
По морю на себе... возможно ли такое?

На скользкой, голубой, лоснящейся спине.
Все думают, за что он выделен дельфином?
За смелость, может быть, за то, что на волне
Держался лучше всех... Как с братом или сыном,

Играет с ним... Смотреть на странную игру
Стекаются туда все должностные лица,
Как статуи, полдня проводят на юру,
Община кормит их и может разориться.

Мне, Плиний, мне позволь... Но Плиний хмурит бровь.
Скажи, все обошлось? Само забылось? Или
Воистину вражда сильнее, чем любовь:
Мальчишку увезли... дельфина отравили...

Из комнаты моей мне тополи видны
Понурые, в снегу, да белый переулок.
Не правда ль, все века преступны и темны,
Но мальчик вечно добр и плеск дельфиний гулок?

---

* * *

Размашистый совхоз Темрюкского района,
Пшеничные поля да пыльный виноград.
Кто б думал, что найдут при вспашке Аполлона?
Кто жил здесь двадцать пять веков тому назад?

Надгробие — солдат в коринфском шлеме чудном,
Сначала тракторист решил, что это клад...
Азовская жара с отливом изумрудным,
Кто б думал, что и ты в волшебный встанешь ряд?

. . . . .
Однажды я сидел в гостях у старой тетки
Моей жены, пил чай из чашки голубой,
Старушечья слеза и слабый голос кроткий,
Но выяснилось вдруг из реплики сухой,

Что это про нее, про девочку в зеленом,
Представьте, кушаке написано в стихах
У Анненского... Как! Мы рядом с «Аполлоном»,
Вблизи шарманки той, от скрипки в двух шагах!..

ЧУВСТВО
СЮЖЕТА

---

* * *

Чувство ужаса, чувство вины.
Как смотреть на них со стороны
Упоительно,— мы по театру
Знаем, нашей игрой прельщены,
Звезды помнят еще Клеопатру.

Как я жалок был, как виноват!
Как ночами спускались в мой ад
Звезды,— им удовольствие это
Доставлял я, разбит и разъят.
Чувство ужаса, чувство сюжета.

Чувство боли, с тоской пополам.
О, кому это нужно? Не нам!
Это зрителям нужно, летящим
По орбитам своим и рядам,
Обожающим, боготворящим.

---

* * *

Та мысль, те образы, что отгоняем днем,
Приходят ночью к нам — и мы их узнаем
Переодетыми, в одеждах сна туманных,
По черной лестнице снуют, прокравшись в дом,
И Фрейда путают с Шекспиром, ищут в ваннах,
В прихожих, скорчившись, — под шкафом, под столом.

Что нужно, тень, тебе? Но тень не говорит.
То дверцей хлопает, то к полке приникает,
И в мыслях роется, храня невинный вид,
И сердце бедное, как ящик, выдвигает.

Весь, весь я выпотрошен.

Утром головы

Нет сил поднять к лучу, разбитость и усталость.
Стихов не надо мне, ни утра, ни листы!
Смерть — это, может быть, подавленность и вялость?
А вы надеетесь и после смерти, вы
Жить собираетесь и там... имейте жалость!

---

* * *

Увидеть то, чего не видел никогда,—
Креветок, например, на топком мелководье.
Ты, жизнь, полна чудес, как мелкая вода,
Жирны твои пески, густы твои уголья.

От гибких этих тел, похожих на письмо
Китайское, в шипах и прутиках, есть прок ли?
Не стоит унывать. Проходит все само.
Креветка, странный знак, почти что иероглиф.

Какие-то усы, как удочки; клешни,
Как веточки; бог весть, что делать с этим хламом!
Не стоит унывать. Забудь, рукой махни.
И жизнь не придает значенья нашим драмам.

Ей, плещущейся, ей, текущей через край,
Так весело рачков качать на скользком ложе,
И мало ли, что ты не веришь в вечный май:
Креветок до сих пор ведь ты не видел тоже!

Как цепкий Ци Бай-ши с железной бородой
В ползучих завитках, как проволока грубой,
Стоять бы целый день над мелкою водой,
Готовой, как беда, совсем сойти на убыль.

---

* * *

В китайских именах сплошные «ч» и «ц».
Я имени Цзя Цзе произнести не в силах.
Чуть легче Цуй Цзинчунь... Но тени на лице
Читаются легко... Ни в чем бы не винил их.

Вылавливать людей искусно, как сверчков,
Такие мастера находятся на свете —
Из безобидных фраз, и взгляд из-за очков
От них не ускользнет: он тоже на примете.

Достаточно того, что выронил назад
Лет десять, из плаща,— записочки, обмолвки.
А пляжи в Байдайхэ так желты, говорят.
Да как поверить в них среди копки и прополки?

Цзя Цзе? Не рассердись, я выдумал тебя.
Живи в моих стихах с придуманным Цзинчуном,
Колпак бумажный сняв, двужильный, все стерпя.
Меж двух кустов давай в щель голову просунем.

Как синее блестит, хоть Желтое оно.
Название тебя смущает? В детском споре
С беспечным языком ты слаб. Не все ль равно?
Мы Черным, например, свое назвали море.

ПОДРАЖАНИЕ ДРЕВНЕКИТАЙСКОМУ

О весна, не спеши, подожди,
Ведь еще не зачитан приказ
Императорский, значит, в пути
Он еще, не добрался до нас,
И глицинии, как зацвести
Ни хотят, а должны подождать,
Пусть придержат цветочки в горсти.
Где же свиток: столбцы и печать?

Вот когда мы получим его,
Вот тогда зацветет бальзамин.
Почему все мы ждем одного?
Потому что у нас он один!
Он расшитым махнет рукавом,
Благодатью повеет на нас,—
И поздравим себя с мотыльком,
Прихотливо ласкающим глаз.

ФРЕСКА

Святой Иоаким, конечно, сладко спит
В то время, как к нему слетает ангел с вестью.
Весь день в моем окне рыдает дождь навзрыд,
Да как и не стенать, имея дело с жестью?

А козочки даны, овечки и цветы
Затем, чтоб мы с тобой не усомнились в чуде:
Ведь если видит скот, уже не станешь ты
Оспаривать все то, чего не видят люди.

Еще бы! Надо жить в рассветные века,
Где если дождь идет, то теплый и нестрашный.
Как громко дождь стучит, угрюмей кулака,
Пронзительней ножа, визгливый, рукопашный!

В такие дни молчит настольный календарь,
И хочет быть листок скорее перекинут.
Где радуги привет, как в детстве было, встарь?
Сплошной железный дождь, как занавес, задвинут.

То жалуясь тебе, то требуя с тебя
Какой-то давний долг, за вечностью забытый.
А радуга не здесь, пленяя и слепя,
Дрожит, а там, где спит пастух, плащом накрытый...

---

* * *

Поехать железнодорожным, морским и воздушным путем,
Увидеть «Олимпию» в Лувре и «Краснобородку с угрем»,
Потом «Натюрморт» в Авиньоне и в Цюрихе — «Гавань
в Бордо»,
А в Кливленде, в частном собрание, «Пионы» не видел
никто!

Потом оказаться в Нью-Йорке, — истратить ему на билет
Не жаль подотчетную сумму — за черный и розовый цвет,
За даму в костюме эспады и охрой намеченный рот.
Как он обогнал наши взгляды на жизнь и добычу щедрот!

Он где-то на новой странице и чуть ли уже не в Нанси,
Чтоб к девушке розоволицей нежней присмотреться вблизи
Каких-то случайных цветочков, зовут ее Мери Лоран,
А в Лондоне розовой мочкой пленяет она англичан.

Истлела та беличья шубка, но вечно живет полотно.
Что гонит по белому свету? Да так, увлечение одно.
Ведет в галереи причуда, заводит каприз во дворцы.
Достаточно знать, что кому-то доступны такие концы.

Он в ухо художнику дышит, за ним поспевая для нас,
Он жаркую книгу напишет про зорко прищуренный глаз,
Его дорогие скитанья, его золотые права —
Всей жизни его оправданье, и кругом идет голова!

---

* * *

Ад,— я жил в нем, я бедствовал в нем,
И обедал, и ужинал, черным
Пожираем незримым огнем,
Но поэзия огнеупорным
Оставалась занятем, в огне
Говорила о счастье, вводила
В заблужденье, мирволила мне,
Ублажала и благоволила.

Цвел шиповник, соря на ветру
Раскрасневшимися углями.
Тот, кому только мрак по нутру,
Недоволен моими стихами,
Справедливо считая, что в них
Не хватает трагической коды.
Но не хочет, упорствуя, стих
От своей отказаться природы.

Он, как эти кусты во дворе
На ветру, обречен на цветенье,
Он готов и на смертном одре
Продолжать безоглядное пенье,
Там, внутри его, в тканях живых,
Там, в живительных соках и звуках,
Только радость в потемках густых,
Только счастье рождается в муках.

---

* * *

На задних лапах замершие львы
И циклопическая кладка
Мне вдруг припомнятся на улицах Москвы
Средь спешки транспортной и пешего порядка.

Москва — наследница всех, всех эпох. В любом
Живущем — что-то есть от живших
Когда-то, бившихся об стену жарким лбом,
Страдавших, веривших и голову сложивших.

Цирк многоярусный, амфитеатр, партер,
Простор ступенчатый, зубчатая столица,
Пружиной сжатая, гранильщица карьер
И громкой славы мастерица.

Бульвар топорщится, как отмель, с двух сторон
Рекой омытая шуршащей,
Сухой, дымящейся,— весь шум былых времен
Есть в спешке нынешней, ухватке тормозящей.

Львы так и бегали по узкому дворцу,
Когда пускали их в два-три глухих отсека,
Как по Садовому кольцу —
Такси, приезжего пугая человека.

Но привыкает он — и сам готов нестись
В кабине под гору сквозь все туннели в ярких
Огнях софитовых, и сам глаза, как рысь,
Сужает, детские везя домой подарки.

---

* * *

Игра? Борьба, скорей, обида мировая
За тесным столиком, всемирная потеха,
Дрожь черно-белая, квадратно-полевая,
Многофигурная — из дуба, из ореха.

Сидят, задумавшись сильнее, чем о жизни,
Во всяком случае, мрачнее, чем о смерти,
И умещаются все на доске их мысли,
А сорок первый ход до завтра ждет в конверте.

Все наши ужасы, все наши неудачи
На полудетские переложив их плечи,
Мы смотрим шахматные эти передачи,
Отставив все дела и обрывая речи.

Что снится ночью им, — тяжелая фигура?
Не объяснить их труд ни славой, ни корыстью.
Простившись, помнится, так шел Давид понуро
На битву страшную в тюрбане с жаркой кистью.

О мифология, тебя переиначив
На современный лад, мы, затаив дыханье,
Все те же старые, как мир, свои задачи
Решаем звездные: паденье и сгоранье!

---

* * *

Ну, музыка, счастливая сестра
Поэзии, как сладкий дух сирени,
До сердца пробираешь, до нутра,
Сквозь сумерки и через все ступени.

Везде цветешь, на лучшем говоришь
Разнежившемся языке всемирном,
Любой пустырь тобой украшен, лишь
Пахнёт из окон рокотом клавирным.

И мне в тени, и мне в беде моей,
Средь луж дворовых, непередаваемой,
Не чающей добраться до зыбей
Иных и круч и лишь в земле любимой

Надеющейся обрести привет
Сочувственный и заслужить вниманье,
Ты, музыка, и подаешь нет-нет
Живую мысль и новое дыханье.

---

* * *

На череп Моцарта, с газетной полосы
На нас смотревшего, мы с ужасом взглянули.
Зачем он выкопан? Глазницы и пазы
Зияют мрачные во сне ли, наяву ли?

Как! В этой башенке, в шкатулке черепной,
В коробке треснувшей с неровными краями
Сверкала музыка с подсветкой неземной,
С восьмыми, яркими, как птичий свист, долями!

Мне человечество не полюбить, печаль,
Как землю жирную, не вытряхнуть из мыслей.
Мне человечности, мне человека жаль!
Чела не выручить, обид не перечислить.

Марш — в яму с известью, в колымский мрак, в мешок,
В лед, «Свадьбу Фигаро» забыв и всю браваду.
О, приступ скромности, ее сплошной урок!
Всех лучших спрятали по третьему разряду.

Тсс... Где-то музыка играет... Где? В саду.
Где? В ссылке, может быть... Где? В комнате, в трактире,
На плечи детские свои взвалив беду,
И парки венские, и хвойный лес Сибири.

---

* * *

«Но эти губы вводят прямо в суть
Эсхила-грузчика, Софокла-лесоруба...»

Мандельштам

Не слишком сложен был профессорский вопрос
На зимней сессии, всего лишь об Эхсиле.
Закинув голову, студент молчал. Стрекоз
Таких же пасмурных сухие связки стыли

На даче, в августе, под Петербургом. Взгляд
Был в потолок лепной таинственно нацелен.
Молчанье странное. Ответить невопад,
Забыть, запутаться? И каждый день смертелен.

И то сказать, поэт совсем не эрудит,
Он перелистывать скорей умеет книги,
Чем их прочитывать. Но рифма убедит,
И в ритме паузы так хороши и сдвиги.

Надменность дикая и взгляд поперх голов.
Поднялся, прочь пошел, к сырым пальто и шубам.
Когда-то жил уже, дружил во тьме веков
С Эхсилом-грузчиком, Софоклом-лесорубом.

---

* * *

Грубый запах садовой крапивы.
Обожглись? Ничего. Терпеливы
Все мы в северном нашем краю.
Как султаны ее прихотливы!
Как колышутся в пешем строю!

Помню садик тенистый, лицейский,
Сладкий запах как будто летейский,
Неужели крапива? Увы.
Острый, жгучий, горячий, злодейский,
Пыльный дух подзаборной травы.

Вот она, наша память и слава.
Не хотите ее? Вам — направо,
Нам — налево. Ползучий налет,
Непролазная боль и отрава.
Лавр, простите, у нас не растет.

Непреклонна, угрюма, пушиста.
Что там розы у ног лицейста?
Принесли их — они и лежат...
Как труба за спиною флейтиста:
Гуще, жарче ее аромат.

АПОЛЛОН В СНЕГУ

Колоннада в снегу. Аполлон
В белой шапке, накрывшей венки,
Желтоватой синицей пленен
И сугробом, лежащим у ног.
Этот блеск, эта жесткая резь
От серебряной пыли в глазах!
Он продрог, в пятнах сырости весь,
В мелких трещинах, льдистых буграх.

Неподвижность застывших ветвей
И не снилась прилипшим к холмам,
Средь олив, у лазурных морей
Средиземным его двойникам.
Здесь, под сенью покинутых гнезд,
Где и снег словно гипс или мел,
Его самый продвинутый пост
И влияния последний предел.

Здесь, на фоне огромной страны,
На затаянтом льдом берегу
Замерзают, почти не слышны,
Стоны лиры и гаснут в снегу,
И как будто они ничему
Не послужат ни нынче, ни впредь,
Но, должно быть, и нам, и ему,
Чем больнее, тем сладостней петь.

В белых иглах мерцает душа,
В ее трещинах сумрак и лед.
Небожитель, морозом дыша,
Пальму первенства нам отдает,
Эта пальма, наверное, ель,
Обметенная инеем сплошь.
Это — мужество, это — метель,
Это — песня, одетая в дрожь.

ХУДОЖНИК

Мало того, что он к морю, он к морю привел
Нас, что похоже на взгляд оно любящий, влажный,
Он еще белую скатерть набросил на стол,
Он еще стол этот на берег вынес, отважный.

Мало того, что крахмальная так хороша,
Мелом таким холодит на воздушной подкладке,
Он еще розы на скатерть пылать, не дыша,
В маленькой вазе поставил, прижав ею складки.

И не боится, смотри, никого, ничего.
И не стесняется холода этого, жара.
Краски да кисти — друзья его; мало того,
Он не певец и не раб мирового кошмара.

Мало того, еще блещет в стакане вода,
Синие струпы и дикие белые хлопья,
Но отойдешь — и прозрачней не пил никогда! —
Влага и блеск, а не влаги и блеска подобья.

Да, убивают. Но волн бескорыстен накат.
Мучают, да. Но пятнист лепесток разогретый.
Мало того, еще ты же и сам виноват,
Если подняться не в силах до радости этой!

---

* * *

Луны затмение мы долго наблюдали:
Весь мрак земли, сгустясь, ложился на нее,
Все огорчения, несметные печали,
Все наши дикости, все сны, все забвенье.

На яснолицую — все наши предрассудки,
На тонкокожую — вся тяжесть, вся тоска,
Все наши выверты, сомнительные шутки
С вращеньем вымученным пальца у виска.

Луны затмение... Какой на недотроге
След отвратительный, багрово-черный дым!
Какие грязные мы вытираем ноги
О коврик желтенький с рисунком неземным!

Луны затмение... Вся в копоти и саже.
Затменье разума, затмение любви:
Никто не выйдет в ночь, не будет ждать на пляже
Средь лунных отсветов с волнением в крови.

Так вот что значит жить, так вот что значит к людям
Принадлежать, увы... прости мне этот стыд,
Теперь, как думаешь, быть может, чище будем,
Светлее, искренней?.. Опять луна блестит.

---

* * *

В стихах сверкает смысл, как будто перестрелка
В горах,— и нелегко нам уследить за ним.
Вот так еще, обняв ствол, радуется белка:
Она уже не там, куда еще глядим.

Неуловимый взгляд и яркий мех опрятный.
А сидя, чем она так странно занята?
Как будто инструмент какой-то непонятный
Все время удержаться старается у рта.

Ты к ней не подходи в своей широкой шубке.
Я вспомнить шкурки две в чужих стихах могу:
Две радости, два сна, две маленьких зарубки.
Мы третью проведем, чтоб нам не быть в долгу.

Я знаю, что сказать под занавес, шуршащий,
Сползающий в конце столетья, шелестя:
Нам все-таки связать с вчерашним настоящий
День рифмой удалось, по ельнику бродя.

Суровый выпал век, но белочка как дома
В нем чувствует себя: наверное, чутье
Подсказывает ей, что место перелома
Залечено, в когтях не флейта ль у нее?

ЖИВАЯ ИЗГОРОДЬ

Живая изгородь, ветвей переплетенье,
Ползи, клубись,
Как дым, скрывай от глаз волшебное виденье —
Чужую жизнь, цветы, выталкивая ввысь
Побеги новые, мне этот бег на месте
Сумбурный нравится сырой,
Живая изгородь, кто посадил все вместе
Кусты, тот жив хотя бы летнею порой,
Когда вот так шумят вертлявые листочки.
О нет, не умер он,
Живая изгородь, я встану на носочки,
Как ты, на цыпочки... туманный, чудный сон!

С каким смущением мы каждый раз заходим
В чужие комнаты, нам мил чужой уют,
Живая изгородь... глядим, глаза отводим,
Быть может, веточку нам ветры в ней пригнут?
И вдруг увидим жизнь чужую:
Ребенка нянчат, гладят пса.
К стене клубящейся я подойду вплотную —
Густая, пенная, сплошная полоса.

И море вспомнится в шторм сильный, семибалльный.
Кипит и катится, лохматее руна,
С дремучей живостью печальной,
Живая изгородь, падающая волна.

Мы не купались в нем в те дни, лишь подходили
К нему с волнением в груди...
От зла, от ужаса, от распаленной пыли,
Живая изгородь, от горя защиты!

Как будто высажены, выращены строки —
Такой у них надежный вид.
Сны перепутаны, слова неодиноким,
Ночь дышит, колет, на месте не стоит.

Сучки и прутики, цветы, в их бледном зеве
Дрожит холодный пот,
Так в мирном шествии на мраморном рельефе
Бредет какой-нибудь забытый царский род,
Шипы, и ниточки, и клочья паутины...
Мы тоже движемся... мы так же зарастем...
Обиды, радости, морщины.
Живая изгородь, ты видишь: мы живем!

СОДЕРЖАНИЕ

ВДРУГ — ЯСНЫЙ ДЕНЬ.

«Никуда, никуда не пойдем сегодня...»	4
«Не удивляемся, скосив глаза на встречных...»	5
«Как любит памятники маленький народ!..»	6
Июль 1836	7
«Мне-то есть теперь что вспомнить, есть о чем поговорить...»	8
«Вдруг — ясный день, неожиданный вдруг просвет...»	9
«Мне не важно, какой сегодня день...»	10
«На Невском — гулкий лес Казанского собора...»	11
«Под зонтом человеку уютнее, чем без зонта...»	12
«Сказал один чудак, и я скажу опять...»	13
«Там реки чистые текут...»	14
«Ты горишь, Колизей, как большой ресторанный пирог...»	15
«Английский смотришь фильм, венгерский ли, французский...»	17
Воспоминания	18
«Как два кусочка льда — две запонки стеклянных...»	20
«История не учит ничему...»	21
Гадание	22
«Где нежное детство и крупные звезды во тьме?...»	23
«И еще я подумал, что гений рождается в любой...»	24
«Широконосый, с пухлыми губами...»	26
«Лет на семь раньше я родился — и жизнь иначе...»	27
«А мы и в пятьдесят Андрюши, Люси, Саши...»	28
Бегония	29
«Век, может быть, и атомный, но дети...»	31
«При мне она в котел понурого барана...»	32
Поверх вещей	33
«Как дома хорошо, — вернувшись из больницы...»	34
«К римской цифре двенадцать, пометив письмо декабрям...»	35

«Как мальчик, волнуясь, читает письмо...»	36
«В старом кресле, по темной обивке лучами...»	37
«Митрохина пестрый рисунок стоит за стеклом, ярко- крыл...»	38
«Кто ж хочет, чтоб его воспитывали? Серый...»	39
«Смотрю на девушек, на молодых людей...»	40
«Жизнь пришлось на смутную эпоху...»	41
«Последний, кто был лют и дик,— Домициан...»	42

ЕСТЬ МЕСТО НА ЗЕМЛЕ...

«У нас, меж Сиверской и Вырицей, в колючих...»	44
«Сколько бабочек-траурниц здесь, на дороге лесной!...»	45
«Есть место на земле. Усталый, раз в году...»	47
«А так как нас с тобой великие дела...»	49
«Птица болотная, как она громко кричит!...»	50
«Нет сосен в книге той и елей наших нет...»	51
Петух	52
«А лучший довод в тексте, под рукой...»	53
«Встань, и возьми постель, и в дом иди, и встал...»	54
«Помочь тебе мне нечем, нечем...»	55
И в скверике под вязом...	56
«Трагедия легка: убьют или погубят...»	57
«Так бывает: еще не уснул...»	58
«Спать, как рыбы морские, во тьме...»	59
«Инстинктивная жизнь роевая...»	60
«В сад через ржавую входишь калитку...»	61
«Скорей соринка, чем жучок. Полусоринка...»	62
«Не спится мне. Счастливы миг упущен...»	63
«Куда? Быть может, на Евфрат...»	64
«Надгробие. Пирующий этруск...»	66

БОЛЬШИЕ ЧИСЛА

«Помню, в детстве на улицах было не много людей...»	68
«Читая Набокова, думал о том...»	70
«Ребенок в темноте разменивает страх...»	71
Телефонный разговор	72
«Потом не спишь, перебирая...»	74

Три стихотворения	76
1. «„Счастливого докушиванья!“ — нам...»	76
2. «Почему ни с того ни с сего?..»	76
3. «И если можно „друг степен“...»	77
Музыка	78
«Две колонны, смотри, отражаясь в пруде...»	79
«Графомана-безумца письмо...»	80
«Мне интересней читать в дневнике...»	81
«А все же тургеневский низкий диван либеральный...»	82
«Но и ты, европеец, в себя загляни — обомрешь...»	83
Страстная пятница	85
«Есть два чуда, мой друг...»	86
«Он, о себе говоривший, что крупного плана...»	88

ВЗДЫБЛЕНА, ШЕРОХОВАТА...

«Я знал, что не сухой, а нервной и чуть влажной...»	90
«Когда-нибудь время научатся в плотный рулон...»	91
«Как Солнце, как Луна... все это не внушает...»	92
«Вторая жизнь моя лет в сорок началась...»	93
«Семь лет — вот срок любви, подмеченный не нами...»	94
«Ты не права — тем хуже для меня...»	95
«Как писал Катулл, пропадает голос...»	96
«О, не так уж важно, не так уж важно...»	97
«Как счастье притупить, чтоб горе не кололо...»	99
«Видов рая больше, чем вы думаете...»	100
«Стрижи-разбойники и ласточки-малютки...»	101
«Как белый снег в горах, чуть розоватый...»	102
Кипарис	103
«Но больше всех стихов роскошных, величавых...»	105
«Ну, как? Ну, здорово? Ну, нравится тебе?...»	106
«О, да! Как мошкара над ярким фонарем...»	107
«Смотри, здесь бабочка со мною за буйки...»	108
«Этот берег скалистый, противоположный...»	109
«Вдоль берега тростник шагает копыеносец...»	110
«Этот... как его... ну... светлячок!..»	112
«Сколько веков пронеслось и еще после нас про- несется...»	113
«Мне, Плиний, мне позволь задание твое...»	114
«Размашистый совхоз Темрюкского района...»	116

ЧУВСТВО СЮЖЕТА

«Чувство ужаса, чувство вины...»	118
«Та мысль, те образы, что отгоняем днем...»	119
«Увидеть то, чего не видел никогда...»	120
«В китайских именах сплошные «ч» и «ц»...»	121
Подражание древнекитайскому	122
Фреска	123
«Поехать железнодорожным, морским и воздушным путем...»	124
«Ад,— я жил в нем, я бедствовал в нем...»	125
«На задних лапах замершие львы...»	126
«Игра? Борьба, скорей, обида мировая...»	128
«Ну, музыка, счастливая сестра...»	129
«На череп Моцарта, с газетной полосы...»	130
«Не слишком сложен был профессорский вопрос...»	131
«Грубый запах садовой крапивы...»	132
Аполлон в снегу	133
Художник	135
«Луны затмение мы долго наблюдали...»	136
«В стихах сверкает смысл, как будто перестрелка...»	137
Живая изгородь.	138

Александр Семенович Кушнер

ЖИВАЯ ИЗГОРОДЬ

М., «Советский писатель», 1988 г. 144 стр.

План выпуска 1988 г. № 210

Редактор *И. С. Кузьмичев*

Худож. редактор *М. Е. Новиков*

Техн. редактор *Е. Ф. Шареева*

Корректоры *Ф. Н. Аврунина* и *Э. Н. Липпа*

ИБ № 6294

Сдано в набор 5.09.87. Подписано к печати 14.03.88.
М 24142. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага офсетная
№ 1. Литературная гарнитура. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 5,85. Уч.-изд. л. 3,75. Тираж 27 000 экз.
Заказ № 1195. Цена 45 коп. Ордена Дружбы на-
родов издательство «Советский писатель»: Ленин-
градское отделение. 191104, Ленинград, Литей-
ный пр., 36.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового
Красного Знамени Ленинградское производственно-
техническое объединение «Печатный Двор»
имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли. 197136,
Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

